

КРЕСТЬЯНКА

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1963

ДИНАСТИЯ

МЕХАНИЗАТОРОВ

ЧАГАЕВЫХ

Самый младший в семье, семилетний Вовка, счастлив. Еще бы, всего восемь часов, а отец уже дома! Отец у Вовки тракторист, у него круглый год дела: он и пашет, и сеет, и корма возит, и в лес за дровами ездит... Так что не часто выпадает у Михаила Ивановича свободная минутка, чтобы побыть с Вовкой.

А уж коли она выпала, забирается мальчишка к отцу на колени, открывает заветную коробку, где хранятся семей-

ные реликвии, и начинает их перебирать.

— Пап, а этот орден за что?

— Этот? — Михаил Иванович на минутку задумывается и в который уж раз начинает рассказывать сыну, когда и за что получена награда.

Но вот все награды — и ратные и трудовые — перебраны. Остаются две. Их мальчуган всегда приберегает напо-

следок. Лукаво прищурив большие голубые, как у матери, глаза, он спрашивает:

— Пап, а какие ордена здесь самые главные?

— Какие главные, говоришь? — переспрашивает отец, и тут все ребята, что краем уха прислушиваются к беседе, обязательно бросят взгляд на мать, либо хлопчущую у печки, либо склонившуюся над швейной машиной. Михаил Иванович твердо говорит:

— Эти, что ты держишь, и есть самые главные — мамы награды. Орден, что ей за вас, пострелят, дали, и медаль за работу на тракторе...

И вот уже не слышит Михаил Иванович, что без умолку стрекочет Вовка. Перед глазами у него проходит давнее...

Он, Мишка Чагаев, — веселый, жадный

до работы парень, первый комсомолец в деревне. И приглянулась ему соседка, Шура Вохмянина, худенькая, ясноглазая, с шапкой кудрявых волос. Согласилась выйти за него замуж, да друзья Михаилу все уши прожужжали:

— Ты что, с ума сдвинулся? Кулацко-го выкормыша сватать задумал!

— Дети за отцов не ответчики! — стоял на своем Михаил. — А работает Шура лучше многих.

Словом, поженились. А вскоре вышел Чагаеву срок в армию идти. Служил он на Дальнем Востоке, возила Шура показать ему первенца Ванюшку. Надумали они было совсем в тех краях остаться. Михаил в армии на помощника машиниста выучился, с такой специальностью зарабатывать можно хорошо. Да, видно, заговорил хлебоборобская жилка, потянула к себе земля. Вернулись Чагаевы в родную деревню.

Чем заняться, долго не раздумывали. Шура в полеводческую бригаду пошла, а Михаила послали на курсы трактористов при МТС.

И вот вышла как-то Шура за околицу, глядь, на поле толпа. «Никак за иконой народ идет, — подумала она. — С чего бы это? Дождей вроде достаточно».

Подходит ближе, а вместо иконы-то трактор, а за рулем ее Михаил. Гордо так восседает, на зрителей вроде и внимания не обращает.

Все было хорошо, да только стала примечать Шура, что загордился муженек. Однажды и загляни она в учебники, что Михаил с курсов привез: так ли уж мудрена эта наука, есть ли с чего нос-то драчу. Хоть и мало поняла тогда, что к чему, но вечером сказала мужу:

— На мои зубы, я бы этот трактор через месяц, как свои пять пальцев, знала.

Подрастут младшие члены семьи — и у Чагаевых будет своя бригада механизаторов.

Сказала это шутя, просто чтобы побавить у мужа важности, сказала и забыла. А Михаилу разговор запал в душу. Почему бы и вправду не стать Шуре трактористкой? Тяжело? А коров доить или с тяпкой спину гнуть легче? Завел как-то разговор с инженером МТС Шибалиным:

— Василий Макарыч! Хочу я со следующего сезона со своим напарником работать.

— Это что же за напарник такой у тебя выискался? — удивился инженер. — Ванятка еще под стол пешком ходит, а

больше мужчин я в твоей избе вроде не видел.

— Ну зачем такое понятие: раз тракторист — обязательно мужик? Про Пашу-то Ангелину слышал? Неужто моя жена с трактором не справится?

— Может, и справится. Но только как же ты на полгода на курсы ее отпустишь? Как с малым дитем управлять будешь?

— Да обдумал я уже все, Василий Макарыч, постараюсь Шуру дома выучить. На курсы будет ездить только экзамены сдавать. Разрешите?

— Ну что ж, попробуй. Выучишь жену — дадим вам трактор.

«Одного уговорил, — думал Чагаев по дороге домой, — а вот как с другой получится?..»

Шура встретила предложение мужа без энтузиазма.

— Выдумал тоже! Будто не знаешь: у нас в деревне баба на возу сена едет, так на нее пальцами тычут: за мужское, мол, дело взялась. А ты хочешь, чтобы я машиной понукала. Отступись! Не будет этого.

Но хоть и упряма была Шура, а у Михаила характер еще тверже. И недели не прошло, как стали замечать люди: что-то в чагаевской избе за полночь огонек мерцает? А это муж с женой плечом к плечу сидели над учебниками, разбирали чертежи и схемы. Стала заглядывать Шура и на поле, где Михаил работал. Он управляет трактор или в моторе копаются, а она глаз не спускает, все примечает. Помаленьку начал муж доверять ей и водить трактор.

На первый зачет Михаил поехал вместе с женой: без него ни в жизнь на это не отважилась бы Шура. Среди мужиков была она одна, но на вопросы отвечала не хуже других.

Так и стала Александра Чагаева в 24 года первой в тех краях трактористкой. Давно ли это было? Да уж без малого двадцать пять годков назад...

* * *

Славно жили Михаил с Шурой. Вслед за Ваней родились у них две дочки — Нина и Лида. Прибавилось дел у Александры Пантелеймоновны, но трактор не бросала и дома и в поле управлялась. Только жить бы да радоваться!

Но всю жизнь перелупала война. Ушел Михаил на фронт. Трактористов в МТС осталось — по пальцам пересчитать можно. А пахать, сеять кому-то надо: без хлеба врага не одолеть.

Вызвалась Чагаева работать без напарника. Что и говорить, нелегко пришлось: дома трое мал мала меньше. А для трактора всегда работы невпроворот. Ночи недосыпала, о себе думать совсем забыла. Вслед за Александрой Пантелеймоновной тянулась и вся женская бригада, созданная в МТС. Не подвели бабы, засекали площади такие же, как и раньше, и урожаем собирали не меньший...

Но ничто, как говорится, не вечно. Минула лихая година, вернулся Михаил Иванович с фронта. А тут и старший сын подрос, стал понемногу приглядываться к работе родителей.

И вот как-то во время весеннего сева объезжал председатель поля. Смотрит:

КРЕСТЬЯНКА

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1963

41-Й ГОД ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

что за чудо? Идет по полю трактор, бороздки ложатся ровные, как по точке, а за рулем словно и нет никого! Остановил лошадь, подождал, когда трактор поближе подойдет. И тут только заметил: сидит за штурвалом чумазый мальчонка, худенькими руками двигает рычаги.

— Ты чей? — спрашивает.

— Иван Чагаев.

— А кто тебя на трактор пустил?

— Да мамка у нас приболела. Отец двое суток без передышки пахал, сейчас вон в соломе спит. Да вы не сомневайтесь, я умею.

Спешил председатель, замерил глубину вспашки — все в порядке. Не стал даже будить Михаила Ивановича. А Ване сказал:

— Молодец, брат! А в какой же ты класс бегеешь?

— По пятому году в эту зиму ходил, — степенно, по-крестьянски ответил мальчик...

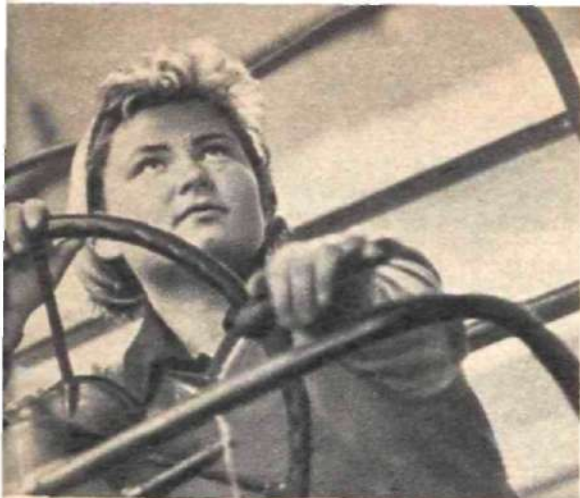
Так и текла жизнь. Уже Иван отслужил в армии. Перед демобилизацией написал отцу, что некоторые его товарищи не хотят возвращаться домой, едут в другие места счастья искать. Со-

Девятиклассник Николай, уже получивший права тракториста, помогает братьям изучать машину.

У тракториста Ивана Чагаева уже немалый стаж работы. Очень нравится Ивану профессия, которую по наследству передали ему родители.

Проведет два года — и Лидка вернется в родное село агрономом. Знание машины поможет ей стать отличным специалистом.

ветовался с отцом, не махнуть ли и ему куда-нибудь в город.

Долго сидел в тот вечер Михаил Иванович над ответом, подыскивал такие слова, чтоб стыдно стало Ивану за то, что в трудное для колхоза время хочет землю бросить.

«Не дело ты надумал, Иван,— ложилась на страницу четкие, убористые строчки.— Понятно, крестьянский труд не легкий. Да только уж так устроен человек, что счастье к нему приходит в работе, с потом, с мозолями...»

Не было после этого писем от Ивана, сам он вскоре приехал в родную деревню.

Трое трактористов Чагаевых выезжали теперь на колхозные поля. И остальные

Самый маленький Чагаев — Вова — тоже мечтает подружиться с техникой.

ребята (а после войны появилось их в доме еще пятеро), как свободный час, так в поле. Остановит Михаил Иванович машину заправить, они ее, как горох, облепят, и каждому отец дело найдет. Даже малыши, Таня с Володей, свои обязанности знают: фары и стекла в кабине протирают.

Соседки, наблюдая за ними, улыбаются:

— У тебя, Пантелеймоновна, ребята сизмальства вместо игрушек в болты да гайки играют.

А она в тон им:

— А как же! Они у меня и грамоте не по букварю учатся, а по книжке «Устройство трактора ДТ-54».

За этими шутками скрывалась большая доля правды. Как когда-то Ваню, родители с малых лет приучали и других ребятшек к своему делу.

Требовательными учителями были родители! Не прощали, если кто-то из ребят небрежно делал порученную работу.

— Или уж совсем не браться, или делать как следует,— выговаривала как-то мать Лиде, когда та, спеша в клуб, оставила некоторые детали грязными.

Учились ребята у старших и заинтересованному, творческому отношению к своей работе. Они видели, что отец никогда не упустит случая порыться в книгах, что он вырезывает из газет статьи об интересных усовершенствованиях и, что можно, старается применить у себя. Так, в молодости Михаил Иванович по чертежам, найденным в какой-то бро-

Школьная мастерская — любимое место младших Чагаевых. С удовольствием работает Жора на токарном станке.

шюре, переделал свой газогенераторный трактор в жидкотопливный. Кое до чего додумывался и сам. Захотелось, к примеру, Михаилу Ивановичу обходиться без плугаря. Зачем занимать лишнего человека, если работу его вполне может выполнять сам тракторист? Долго бился Чагаев, а придумал устройство, управляющее плугом прямо из кабины трактора. Вот уже пятый год работают Чагаевы без плугаря, и многие трактористы колхоза следуют их примеру.

Давно заметили в семье: как склонится отец над книгой, рядом неизменно окажется Нина. Не меньше отца любила девушка поломать голову над сложным приспособлением, разобраться в запутанном чертеже или схеме.

— Видать, появится скоро в нашей семейной бригаде механик,— хитро подмигивал ребятам отец, кивая на дочь.— Вот окончит Нина школу, отправим-ка мы ее, ребята, в Киров, в сельхозинститут, пусть диплом в наш дом везет. Уехала в институт Нина. Нелегко было поступить: четверо претендентов на одно место. Но все-таки прошла по конкурсу. А через два года настало время и Лиде решать свою судьбу.

— Я тоже от земли никуда! — сказала девушка.— Хочу учиться на агронома, а то, что я трактор водить умею, только плюсом будет.

Сейчас Лидка занимается на третьем курсе, а Нина заканчивает институт. Прошлым летом будущий инженер проходил практику в родном колхозе. Отзывы о ее работе самые лучшие. Еще бы: в теории сильна да к тому же сама водит и трактор, и комбайн, и автомобиль. Золотой специалист будет!

На заседании правления решили пригласить Нину на постоянную работу в колхоз. Сбываются мечты Чагаевых о своем механике.

Старшие дети Михаила Ивановича и Александры Пантелеймоновны на верной дороге. За них родителям можно не беспокоиться. Но ведь пятеро еще учатся в школе: старший, Николай, — в 9-м классе, а Володя — лишь в первом.

Николаем в семье гордятся не меньше, чем сестрами-студентками. И есть чем. В 15 лет парень так знал трактор, что отец с легким сердцем сказал:

— Сдавай экзамен, получай удостоверение классного тракториста.

Пошел Николай, но в РТС с ним и разговаривать не стали.

— Приходи годика через два.

А зачем ему ждать два года? Он и сейчас по переборам в моторе безошибочно определит, где что не в порядке. Стал Коля просить председателя:

— Виталий Васильевич, напишите директору РТС, что колхоз мне доверяет.

Подумал-подумал Быданов и написал.

И Коля не подвел. Так работал в прошлый сезон, что ему, первому и пока единственному школьнику в районе, присвоили почетное звание ударника коммунистического труда. В тот день у Николая был двойной праздник — в райкоме ему вручили комсомольский билет.

Тому, кто выдержал строгий семейный экзамен, не страшны никакие комиссии.

Елена Чагаева — уже «без пяти минут» инженер. Она работает над дипломным проектом.

Принес он две заветные книжечки домой, показал матери. Читает Александра Пантелеймоновна, а слезы так и застилают глаза. Нелегко, ох как нелегко вырастить матери такого сына!

Вспомнилось, как решили однажды на семейном совете купить Коле новое пальто. В городе Александра Пантелеймоновна сразу нашла, что нужно. Возвращается домой довольная, а навстречу Колина классная руководительница. У Чагаевых правило: не обходить учителей, поговорить, узнать, как у ребят в школе. Остановилась Александра Пантелеймоновна, учительница и говорит ей:

— Хуже стал заниматься Николай. В седьмом четверки редко появлялись, а сейчас все больше тройки пошли. Может, трактор ему голову забил?

Расстроилась мать. Посоветовалась с отцом, решили: никакой обновки сын не получит и к трактору не подойдет, пока из троек не выпутается.

Крепко задумался парень, все вечера просиживал за учебниками. И к новому году пятиклассник Гера как бы невзначай сказал матери:

— Кольку-то нашего сегодня на линейке сам директор хвалил, чуть-чуть он до отличника не дотянул!

— Вот это дело! — расцвела Александра Пантелеймоновна в улыбку.

Получай, Николай, новое пальто, носи на здоровье!

Да, о каждом из восьмерых есть что вспомнить отцу с матерью. Много было и бессонных ночей и дум о том, как лучше воспитать детей, сделать их настоящими людьми. Оглядываясь на прожитое, и Александра Пантелеймоновна и Михаил Иванович с гордостью могут сказать, что лучшим воспитателем детей была их собственная жизнь, неустанный, благородный труд.

Недаром говорится: от хорошего семени жди доброго племени.

В. БАШАРИНА

Колхоз «За коммунизм»,
Котельничский район,
Кировская область.

Фото А. ГЕРИНАСА.

ВОТ ОНИ, ХЛЕБНЫЕ РЕЗЕРВЫ!

На ноябрьском Пленуме ЦК партии Никита Сергеевич Хрущев назвал две цифры — 5 и 9 миллиардов пудов. Так круто выросло у нас производство зерна по сравнению с пятьдесят третьим годом. И одной из главных «виновниц» этого Никита Сергеевич считает кукурузу.

Сидела я в зале заседаний Большого Кремлевского дворца, слушала доклад, и радостно мне было от похвал в адрес «чудесницы». С ней уже много лет связана вся жизнь и моя и моих друзей по звену. Приятно было и то, что нашу Черкасскую область назвал Никита Сергеевич в числе тех, которые «особенно отличились в борьбе за хлеб». Как-никак, и наша доля есть в общей победе Черкасщины, продавшей в этом году государству 37 миллионов пудов зерна, на 5 миллионов пудов больше, чем предусматривалось планом. Из них 15 миллионов пудов кукурузного.

О больших народных заботах шла речь на Пленуме. И одна из главнейших забот — увеличение производства зерна. Здесь я хочу рассказать о своих соображениях на этот счет.

В прошлом году наше звено вырастило небывалый для колхоза урожай: каждый из тридцати гектаров дал по 136 центнеров сухого зерна. Со многими кукурузоводами из нашей и других областей приходилось мне встречаться, и, скажу честно, видишь порой, что с недоверием относятся люди к этой цифре.

Приехали как-то к нам в самом начале уборки звеньевые из соседнего района. Часа три пробыли у нас. В самую гущу кукурузы заходили, ощупывали тугие початки, брали в ладони землю, разглядывали.

— Да,— сказал один из гостей.— Земля у вас, видите, даже богатая.

— Что ж,— отвечаю,— на землю не жалуемся, хотя это и не тот чернозем, в который, как говорили в старину, «сунешь оглоблю — вырастет тарантас». По-научному почва на участке нашего звена называется «слабые солончаки». А плодородной сделали мы ее сами: каждый год вносим на гектар 35—40 тонн органических удобрений.

— Вам хорошо, у вас в колхозе скота много, по скоту и навоза,— ловят меня на слове.

Нет, хотя навоза и вправду много, но в таком количестве для всех колхозных полей его не хватает. Мы вышли из положения так. Протекает у нас небольшая речонка Тясмин. Берега у нее заболоченные, и там богатые залежи торфа. Мы добываем теперь этот торф, пропуская через скотные дворы и получаем прекрасные удобрения.

Вот засобирались гости домой, по початочку себе на память выломали. Только, гляжу, медлят что-то.

Отыскал меня в сторонку пожилая звеньевая:

— Не обижайся, Ганна Дмитриевна. Кукуруза у тебя, что и говорить, всем взяла. Но все же, понимаешь.., в сто тридцать шесть центнеров с гектара не верится.

Взяла я у нее блокнот, карандаш, показываю ей на записи, которые она только что делала с моих слов, и повторю заново:

— Квадраты получаем, как везде, 70×70. Если подсчитать, гнезд на гектаре образуется тысяч двадцать. При прорывке в каждом оставляем мы по два ростка, а через 5—6 гнезд — по три. Значит, в общей сложности 44—45 тысяч растений кормит гектар. Даже если на каждом стебле вырастет один трехсотграммовый початок... А разве в том, что ты держишь, триста граммов?

— Да нет, пожалуй, граммов семьсот потянет.

Гладит гостья ровные янтарные зерна, но по глазам вижу: все-таки до конца не верит.

— Ты бы нам, Ганна Дмитриевна, дала самим рядка два выломать. Уж очень диковинный урожай!

Вот упрямые! Ну что ж, отказаться-то мне вроде и неудобно: испугалась, скажут, проверки. Гляжу и девочки мои головами кивают — задело их, значит.

— Хорошо,— говорю.

Отмерили сотки. С жаром гости за работу принялись, видать, с такой думкой и ехали. А у меня от волнения аж кофта к спине прилипла: рядки-то взяли с самого краю, первые попавшиеся. Вдруг случайно меньше окажется!

Но ничего. Как взвесили, сделали скидку на отходы да на гектар перевели, почти сто тридцать получилось в зерне.

— Ну, а остальное гости на память выломали! — смеются мои девочки.

Уезжали соседи довольные.

— Теперь,— говорят,— знаем, что действительно такой урожай земля может поднять.

По правде говоря, не очень-то я и обиделась на эту нежданную проверку. Трудно людям ломать старые, годами укоренившиеся представления о возможностях земли.

Скажи кто-нибудь мне самой лет пять назад про теперешние урожаи — разве бы поверила, хотя кукурузу выращивают у нас испокон веков. Только прежде относились мы к ней с холодком. Да и то сказать, возни с кукурузой хоть отбавляй, если делать все вручную, а урожаи получали небольшие. В пятьдесят третьем году сеял ее наш колхоз всего каких-нибудь гектаров семьдесят.

Вот за коноплю да за овощи хватались колхозники с радостью. Их вырастить, хоть что-то на трудодень получишь. А за кукурузу и браться никто не хотел..

Сейчас даже странно вспоминать те времена. Когда научились мы ухаживать за «королевой», показала она себя в полную силу, и никого уже не нужно было агитировать за нее. 735 гектаров занято сейчас в колхозе кукурузой, и не только наше звено получает высокие урожаи. Вера Некос с подругами собрала в прошлом году 96 центнеров зерна с гектара, Мария Мисан — 68 центнеров, Килина Король — 66 центнеров. А средний урожай по колхозу — 60 центнеров с гектара. Потому и стала кукуруза у нас выгуднейшей культурой.

Судите сами. Себестоимость центнера кукурузного зерна в нашем звене немногим больше рубля. Закупочная же цена его — семь с половиной рублей. Это ли не доход!

Основная причина такой себестоимости — высокая урожайность и механизация. Машины у нас и пахут, и сеют, и удобрения вносят, междурядья обрабатывают и убирают. К звену прикреплены опытейшие механизаторы Захар Саввич Зеленко и Григорий Григорьевич Личенко. То, что все работы проводят одни и те же люди, очень важно. Тут уж, если не получишь точных квадратов, сам и будешь мучиться с обработкой их.

Правду сказать, рукам тоже пока хватает дела: прорывка, пасынкование, дополнительное оплоднение. Да и полоть еще в гнездах приходится тяпками.

— Вот бы нам научиться такие урожаи получать совсем без ручного труда,— говорит как-то Мария Мохуренко.

— Да к этому и идет,— отвечает ей Ольга Шемшур.— Навозоразбрасыватели вон колхоз приобрел — какое нам облегчение.

И начинаются подсчеты, предположения, споры... Мечтаем о времени, когда с сорняками будут нам помогать бороться гербициды, когда систематически станут проводить анализ почв. А то зачастую еще на глазок определяем мы, сколько земле требуется тех или иных удобрений.

В успехах нашего звена велика заслуга агронома колхоза Николая Петровича Горбатенко. Именно он сумел расшевелить людей, сдружить их с наукой. По его советам наше звено, например, испробовало у себя все лучшие сорта кукурузы, чтобы выбрать наиболее подходящий для наших условий. Сеяли и Одесскую-10, и Вир-42, и Буковинскую-3. Меняли сроки сева, уход. Буковинская у нас дает самые большие урожаи. Остановились на ней.

Агроном же посоветовал нам несколько лет подряд сеять кукурузу на одном поле. Честно говоря, сомневались мы. Дедовскую примету вспоминали: зерно по зерну сеять — ни молотить, ни веять.

— Ничего,— говорил Николай Петрович.— Попытка не пытка. А если будете из года в год высокие урожаи добиваться, большую пользу принесет ваш опыт. Площади под кукурузой все время увеличиваются, и менять каждый год поля практически невозможно.

И вот уже три года сеяли кукурузу по кукурузе. Урожаи растут: 128, 132 и 136 центнеров с гектара.

На будущий год мечтаем мы дать стране еще больше янтарного зерна.

А. ХАНДУСЬ

Колхоз имени ВКП(б).
Черкасский район.
Черкасская область.

И. Г. Пономаренко обсуждает колхозные дела с агрономом Н. А. Кожушко и председателем сельсовета М. И. Шовкун.

У НАС— ИНАЧЕ!

Дорогая редакция! Вопрос, который вы поставили на страницах журнала, задел меня за живое. Я имею в виду статью М. Назарова-Гашина «Несостоятельная теория», опубликованную в первом номере журнала за этот год. В ней говорится о том, что в некоторых колхозах нашей Харьковской области неохотно выдвигают женщин на руководящую работу.

Честно говоря, никогда я не думал, что можно так неразумно, не по-хозяйски распоряжаться кадрами. У нас в колхозе дела обстоят совсем по-другому. Я не боюсь, что кто-либо упрекнет меня в хвастовстве. Выдвигать женщин на ответственные участки начал еще мой предшественник, прежний председатель колхоза Григорий Иванович Грузин. Долгое время проработал он на Харьковском тракторном заводе, а в колхоз пришел сразу после сентябрьского Пленума ЦК партии 1953 года. И вскоре после того, как ознакомился Григорий Иванович с хозяйством, на заседании правления сказал он примерно следующее: дескать, не могу я понять, товарищи, почему у нас на ХТЗ сколько угодно женщин — конструкторов, инженеров, начальников участков, а здесь, в колхозе, что ни начальник, то мужик. Придешь на ферму — доярки бидоны таскают, а «чоловик» галочки ставит в своем блокноте. Придешь в бригаду — женщины над бураками хлопочут, а бригадир — опять-таки мужик. Сдается мне, неправильная эта практика.

И Григорий Иванович смело начал доверять ответственные должности способным, трудолюбивым женщинам. Так что, когда в 1961 году Грузин вышел на пенсию и председателем колхоза стал я, окружение у меня было такое: секре-

тарь парткома, заместитель председателя — агроном Надежда Александровна Кожушко, заведующая птицефермой — Вера Андреевна Рудакова, все заведующие складами тоже женщины. Во главе Моспановского сельского Совета стояла Мария Ивановна Шовкун, сельской потребительской кооперацией ведала Праксovia Павловна Яценко. Словом, женщины руководили многими важными участками колхозной жизни.

Хочу рассказать подробнее о некоторых из них.

ПРАВЫЯ РУКА

Кто из председателей колхозов не знает, как важно иметь заместителя, на которого во всем можно положиться. Для меня таким надежным помощником стала Надежда Александровна Кожушко.

Хозяйство наше большое и сложное. Здесь агроному дел за глаза хватит. Земли около 6 тысяч гектаров, выращиваем пшеницу и свеклу, подсолнечник и кукурузу, картофель и овощи. А кормовая база? Ведь в хозяйстве только крупного рогатого скота больше трех тысяч голов да еще свиньи, утки, куры, индейки.

Прошлый год был в наших местах неудачным для зерновых. Весной озимые еле-еле поднялись. Как быть? Несколько дней провела Надежда Александровна на полях, потом пришла в правление.

— Давайте пересевать, не то год земля прогуляет.

— Чем, — спрашиваю, — яровыми? Так они в наших местах...

— Не яровыми, кукурузой на силос, — отвечает.

— А как же зерно? Чем план выполнять будем?

— На те поля, что получше, пустим все удобрения, запасенные для подкормки озимых. Будет зерно.

Честно скажу, не сразу мы на это решились. Но Надежда Александровна настаивала на своем. И вот результат — по 28 центнеров дали нам 315 оставленных гектаров озимой пшеницы. И план по зерну выполнили и силоса заготовили авошью.

А вот еще один показатель работы агронома. За три летних месяца 1962 года выпало в наших местах всего 40 миллиметров осадков. Сами представляете, что это значит для сахарной свеклы. А

мы собрали по 390 центнеров с гектара. Разве плохо?

Но Надежда Александровна Кожушко не только агроном. Вот уже три года возглавляет она организацию, объединяющую 62 коммуниста. Как она работает на этом посту, об этом, на мой взгляд, убедительно расскажет такой факт.

Существует у нас официально зарегистрированная секта баптистов. Одна из тех сект, которые морально, а порой и физически калечат людей. Но закон есть закон. Церковь в нашей стране отделена от государства, и вмешиваться в дела секты мы не имеем права.

Но Надежде Александровне совесть коммуниста не позволила мириться с тем, что рядом с нами живут люди, как бы невидимой стеной отгороженные от окружающих, от времени. И однажды отправился наш парторг на молитвенное собрание баптистов.

Приняли ее там, сами понимаете, не очень дружелюбно: зачем, дескать, с мирским в святой дом?

А она в ответ:

— Хочу ваше учение понять, послушать, про что говорите, о чем мечтаете, за что бога молитесь. Может, не прогоните?

Проповеднику запретить вроде бы неудобно. Сморщился он, как от кислоты, но промолчал. Кончилась проповедь.

Тогда Надежда Александровна и говорит:

— Что ж, очень интересно, никогда прежде ничего подобного слышать не приходилось.

Пресвитер обрадовался.

— Познание неведомого обогащает разум и просветляет душу, — говорит.

— И я так думаю, — отвечает Кожушко. — Но только слышала я, что газет вы не читаете, радио не слушаете, чем народ вокруг живет, не знаете. А раз познание обогащает да просветляет, уж позвольте, и я кое о чем расскажу.

Наверное, впервые члены баптистской секты на своем молитвенном собрании слушали лекцию о междуна-

Вера Андреевна Рудникова в своем птичьем царстве.

родном положении, об освоении космоса, о XXII съезде партии. В этом поступке — вся наша Надежда Александровна. Конечно, может, и не до каждого дошли ее слова, но Антон Резван, Никита Бабич и еще некоторые баптисты начали заметно «оттаивать». А разве пробудить к настоящей, активной жизни хоть одного человека — это малая заслуга? Мог бы я еще многое рассказать о Надежде Александровне Кожушко. Недаром ведь именно ее коммунисты района избрала своим делегатом на XXII съезд КПСС.

МОСПАНОВСКИЙ МЭР И ЕЕ ПОДРУГИ

Теперь хочу я рассказать о председателе нашего Моспановского сельского Совета Марии Ивановне Шовкун. Председательствует она уже четвертый год. И помощь от нее колхоз получает неограниченную.

Случается, в горячую пору уборки или сева ломаешь себе голову, где бы найти еще хоть десяток рабочих рук. Для нашего хозяйства, например, не так давно проблемой была очистка початков кукурузы. Сейчас мы с этим хлопот не знаем. Пройдет Мария Ивановна со своими депутатами по селу — глядишь, вскоре соберутся наши колхозные пенсионеры на току. Сядут себе на солнышке, неспешно, по-стариковски «балакают», а гора золотых початков так и растет. Не помню я случая, чтоб на призы Марии Ивановны не откликнулось сорок — пятьдесят человек. Любят в селе своего депутата, верят ей и поэтому никогда не откажутся помочь.

Мария Ивановна добилась того, что в нашем хозяйстве открыты детский сад и ясли, дети в которых содержатся полностью за счет колхоза. Мало кто из наших хозяек убивает теперь время у домашней плиты: в колхозной столовой

Местные журналисты
в «КРЕСТЬЯНКЕ»

ЛУЧШАЯ НАГРАДА

Синие сумерки подкрались незаметно, окутали животноводческий городок. Трудный выдался день. Накануне снизился нагон. Мария решила проверить работу пастухов, с утра ушла в луга. Оказалось, не в пастухах дело — обязательно нужна коровам подкормка. Пришлось идти в правление, говорить, чтобы выделили участок люцерны.

Только вышла из конторы — навстречу молодые телятницы. По заплаканным лицам ясно, что случилась беда. Так и есть: несколько телят объелись отавой люцерны. А ветфельдшер уехал на другой участок.

— Обливайте водой и растирайте бока соломенными жгутами! — распорядилась Мария.

И первой взялась за дело. Долго пришлось возиться. Онемели руки. Но Мария не отступала. Телят удалось спасти.

Да, немало забот у Марии Васильевны Логиновой — заведующей животноводством центрального участка колхоза «Строитель». Почти полторы сотни коров, стадо телят, большая свиноферма под ее надзором.

В соревновании Смагинская молочнотоварная ферма заняла первое место по колхозу. Это результат большого, упорного труда животноводов и прежде всего заведующей.

Впереди замелькали огоньки. Вон и в ее доме ярко горит свет. Видно, ребята готовят уроки. Мария представила, как Зина, смешно наморщив нос, трудится над задачей. Сережа посмотрит-посмотрит на мучения сестры и подсядет помогать ей. А Коля приютился где-нибудь с интересной книжкой. Растут дети. Вот бы порадовался отец! Рано унесла мужа смерть. На 34-м году осталась Мария вдовой. Но горе не сломило молодую женщину. Только побледневшее лицо да ранние морщинки говорят о пережитом. Старалась забыться в работе, в хлопотах по дому. Еще два года назад была Мария рядовой дояркой. Добилась, что ее группа коров стала в колхозе самой продуктивной. Наградили ее значком «Мастер высоких надоев». И когда предложили Логиновой взять на себя руководство фермой, отказываться не стала. Не испугалась ответственности.

По душе пришлась животноводам новая заведующая: с каждым поговорит сердечно, постарается вникнуть во все дела.

На ферме до нее был большой падеж молодняка.

— Вроде все делаем как положено, — сокрушались доярки и телятницы. — И все-таки молодняк болеет.

Мария сама стала проверять норму выпойки молока, следила за чистотой в помещениях. Постепенно падеж прекратился.

Немало сделала заведующая и для введения искусственного осеменения коров. Результаты получились отличные. Теперь и сами доярки предлагают убрать со двора быков. Они решили также организовать ранние отелы животных, чтобы круглый год получать большое молоко.

В зимние вечера работники фермы любят собираться в красном уголке: поделиться опытом, поговорить о своих нуждах, а в конце месяца подвести итоги работы.

Бывает, разговор незаметно переходит и на семейные дела. И тут совет заведующей полезен. Нелегко ей одной. Но в доме у Логиновой всегда прибрано, дети аккуратно одеты, вовремя накормлены. И в школе их в пример другим ставят.

— Когда только она успевает! — удивляются соседки. Когда? На этот вопрос и самой Марии не ответить.

— Понимаешь, трудно у нас сейчас с людьми, — сказал Марии как-то председатель колхоза. — Не сможете ли подготовить фермы к зиме своими силами?

Утром после дойки Логинова собрала всех работников животноводческого городка и передала им просьбу председателя.

— И так почитай от зари до зари на ферме, — возразила Мария Потанина.

— Правильно. Не наша это забота, — поддержала ее Анна Дмитричева.

— Как не наша? — вмешалась в разговор пожилая доярка Анна Потанина. — Я, Мария, приду, на меня можешь надеяться.

Тревожно было на сердце у Марии. Придут или не придут? Ведь вдвоем с Потаниной они не много сделают.

К ее радости, собрались все. Каждая принесла с собой ведро, лопату. Смешали глину с песком и мелко нарезанной соломой, тщательно размесили. И работа закипела. Через несколько дней телятник было не узнать: дыры в стенах заштукатурены, вмазаны оконные рамы, выскоблены полы и клетки — хоть сейчас ставь молодняк...

Уважают заведующую и за то, что никогда не стоит она в стороне от общего дела. Был, например, такой случай. Осенью на некоторых фермах перестали доить коров в полдень.

— Докоп же мы будем доить в обед? — спросили доярки Марию Васильевну. — Время горячее, свою картошку копать надо.

— Не будем третий раз доить — потеряем молоко, — ответила Логинова.

Договорились, что, пока копают картошку, станут подменять друг друга. И Мария первой взялась подоить в обед коров за доярку, занятую на своем огороде.

Вроде бы и не очень большую должность занимает Мария Логинова. И наград пока у нее нет и знаний высоких.

Но недаром говорит пословица: не место красит человека, а человек место. Лучшая награда для Марии — уважение односельчан.

Р. СИНИЦЫНА

Бутурлинский район,
Горьковская область.

готовят и дешево и вкусно. И о новом нашем клубе, настоящем дворце большой культуры, председатель сельсовета заботится.

Во всех деревнях, которые объединяет колхоз, организовала Шовкун пункты по приемке молока. В летнюю пору закупают они по 7—8 центнеров молока в день — все излишки, которые получают от личного скота колхозники. Никому теперь не приходится ездить на рынок.

Есть у нас и другие настоящие хозяйки. Скажите, где, например, мужчина — председатель сельпо — организовал продажу ходовых товаров прямо на фермах? А председатель нашего сельпо Прасковья Петровна Яценко добилась того, что о всех товарах, поступающих в сельские магазины, в первую очередь узнают те, кто трудится на полях и фермах. И не только узнают, а тут же на месте могут оформить покупку. Думаете, это не имеет отношения к произ-

водству? Ничего подобного. И ясли, и вкусный обед, и хороший клуб, и отрез, приобретенный у продавца, пришедшего на ферму, имеют к производству самое прямое отношение. Там, где люди чувствуют постоянную заботу, и работа спорится.

Мог бы я рассказать и о Вере Андреевне Рудаковой. Только первый год заведует она нашей птицеводческой фермой. Недолго как будто бы, но за этот год от каждой несушки получили на 25 яиц больше, чем прежде. Кое-кому может показаться, что я вообще выступаю против мужчин. Это, конечно, не так. Просто мы стараемся выдвигать на руководящую работу самых достойных, тех, кто дело и знает и любит.

И. ПОНОМАРЕНКО,
председатель колхоза
«Заря коммунизма»

Чугуевский район,
Харьковская область.

Фото Я. СОРОКО.

ДУМЫ МАТЕРИ

Вот и еще один мужчина уходит из родного дома — служить, на действительную. Младший, Михаил...

Он сидит за столом, напротив матери, положив большие, сильные руки на стол.

Весь в отца: и рост, и широкие плечи, и улыбка, и брови вразлет.

— Стало быть, так, мама, — говорит Михаил.

— Стало быть, так, сынок, — повторяет мать.

В доме тихо. Давно разошлись гости, пришедшие проводить будущего солдата в армию. Заснули сестры Александра и Валентина. Прикорнула и молодая жена Михаила, Валя, сморенная усталостью: шутка ли, за весь вечер не присела ни разу.

Только мать с сыном не спят. Молча сидят, да и что говорить, когда все и так ясно без слов!

Уходит сын в армию, уходит так же, как несколько лет тому назад ушел в армию старший, Николай, как двадцать лет тому назад ушел из дому на войну отец их — Федор Андрианович Полетаев.

Всякое случалось с той поры: и недосыпала мать, и недоедала, и работала за троих. Ведь кругом война, мужики на фронте, вся тяжесть легла на плечи таких, как она.

Зато детей вырастила на славу: послушные, трудолюбивые, все в отца, с его добрым, покладистым характером и золотыми руками.

Старший, Николай, стал трактористом. Отслужив свой срок в армии, живет и работает теперь на Алтае; там же обзавелся семьей. Дочь Валя вместе с мужем живет в Калининне, работает на фабрике.

Михаил, как и брат, тоже выучился на тракториста. И в доме незаменим. За что ни возьмется — все может, все умеет. Печку поставит, крышу перекроет, погреб починит, ведро сделает — на все руки мастер. А сам смирный, немногословный, сила в нем так и играет, но никого не только что пальцем, резким словом никогда не задел. Недаром его в селе, как и отца, все любят: и стар и млад.

Мать глядит на сына извечным материнским взглядом, осторожно касается его руки.

— Стало быть, так, сынок...

И воспоминания, полузабытые, отдаленные годами, вдруг оживают в ней, и видится ей тот, высокий, молодой, белозубый, кто однажды, в клубе, подошел к ней, взял за руку.

— Пойдем вместе...

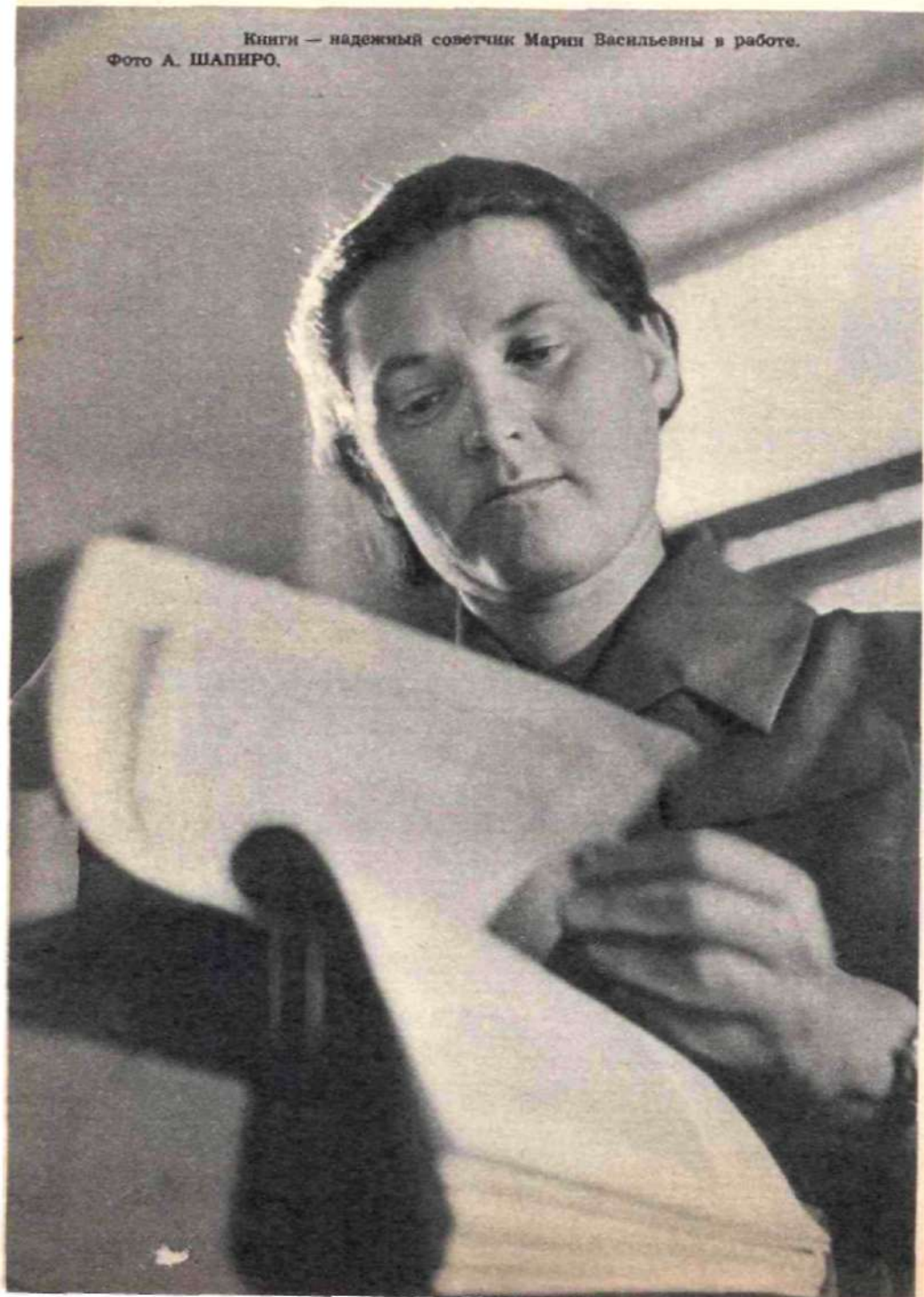
И она, застенчивая, робкая, поверила: такой не обидит.

А спустя три дня он сказал:

— Давай поженимся. Люблю я тебя. Жили они лучше не надо.

Книжки — надежный советчик Марии Васильевны в работе.

Фото А. ШАПИРО.

Федор Андрианович Полетаев.
(Фото из семейного альбома).

ре», мужественном русском солдате, сложившем свою голову в лесистой горной долине далекой Италии.

Но она, его жена, узнала. И Михаил разложил на столе свои фотографии, сравнил с фотографией отца.

— Смотри, мама, до чего мы схожи...
...Есть в Италии возле маленького городка Канталупо кладбище «Кампо дела глория». Там похоронены многие бойцы Гарибальдийской партизанской бригады, сражавшейся в горах Лигурии.

На одной из мраморных плит в овале бронзового лаврового венка укреплен перенесенная на фарфор, видимо,

Под этим знаменем вместе с итальянскими партизанами сражался русский герой «гигант Федор». Теперь знамя передано в дар Советскому Союзу.

Фото Н. АНАСТАСЬЕВА (ТАСС).

старая, истертая фотография человека, одетого в советскую гимнастерку.

Под фотографией на мраморе высечены буквы: «Золотая медаль». Федор Поетан (Федор) Канталупо. Лигурия. 2/2—1945».

Писатель С. С. Смирнов, побывав в Италии, заинтересовался человеком, захороненным здесь. Ведь «Золотая медаль» — очень почетная награда, которой удостоены немногие итальянцы. И никогда еще ни один иностранец не был награжден ею.

Смирнов начал упорные и настойчивые розыски. Ему удалось наконец выяснить, что национальный герой Италии — это наш советский человек, уроженец Рязанской области Федор Полетаев.

Могла ли знать жена героя, что в то время, когда она ждала писем от мужа, он сражался далеко от дома вместе с итальянскими партизанами, заслужив всеобщую любовь своей добротой, силой, храбростью и неиссякаемой ненавистью к фашистам?

Может быть, тогда, когда его сын Николай и дочь Веля впервые пошли с матерью работать в колхозную бригаду, их отец подстерегал врага в лесистой долине Валле Скривия.

Может быть, тогда, когда его маленький сынишка Миша произнес свое первое слово, Федор Полетаев отправился в бой против немецких фашистов и погиб...

Стойкая ночная тишина царит в избе. Заснул Михаил, совсем как в детстве, уткнувшись носом в подушку. Он ее опора, хозяин в доме.

Сын идет на смену отцу. Кажется, словно раздвинулись стены дома, исчезла преграда лет и отец, никогда не виданный сыном, стоит рядом с ним, напутствуя его.

Она даже голову приподняла, будто и вправду услышала родной голос...

Утром она будит сына:

— Вставай, Миша, пора...

Покидая дом, сын подходит к портрету отца, ныне посмертно награжденного высоким званием Героя Советского Союза.

Михаил гордится отцом и мысленно обещает быть таким же стойким, мужественным защитником свободы, непримиримым борцом против насилия и произвола.

Сын говорит матери:

— Я постараюсь, мама. Я буду, если придется, так же, как и отец, воевать беззаветно храбро, не жалея себя.

Л. УВАРОВА

— Бог тебе счастье послал, Маша,— с завистью говорили женщины.

Она не спорила.

А потом все кончилось, оборвалось. Душным августовским днем проводила мужа на фронт, и казалось, всю жизнь ее разом перечеркнули.

Одно утешало: не ей одной такая судьба, много жен и матерей взвалили на себя всю тяжесть деревенской работы, забот о семье и ребятах.

Недаром родилась в те годы горькая, словно польня, чашушка:

*Все одна я, все одна,
Все сама я, все сама,
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба и мужик.*

В каждом письме с фронта муж спрашивал: «Как ребята? Здоровы ли? Наверно, достается тебе?» И просил: «Только сохрани их...»

Он тосковал о детях, и они часто допытывались у матери:

— Когда вернется папаня?

— Кончится война — вернется,— отвечала она.

Кончилась война, но его все не было. И последнее его письмо с обратным адресом полевой почты стареет в ящичке комода, а на стене неизменно висит портрет.

Должно быть, никогда не забыть Марии Никаноровне хмурый денек минувшей осени, когда почтальон принес ей журнал «Огонек», в котором писатель Сергей Сергеевич Смирнов рассказал о подвиге неизвестного советского солдата, воевавшего в Италии и награжденного высшим боевым орденом «Золотая медаль».

Раскрыла Мария Никаноровна журнал, глянула на портрет героя и... узнала мужа: тогда еще никому не была ведома его подлинная фамилия. Писатель Смирнов долгие месяцы тщательно собирал сведения о «гиганте Федо-

Посол Италии в СССР Карло Альберто Странео передал жене и сыну Полетаева награды итальянского правительства, которых удостоен Федор Андрианович.

Фото Н. СИТНИКОВА (ТАСС).

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ.
(Фрагмент.)

А. ГОРСКИЙ.

ГНЕВНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Имя художника Гелли Михайловича Коржева знакомо уже нашим читателям. Помните опубликованный в прошлом году триптих Коржева «Коммунисты»? За каждой из этих картин (напомним их названия: «В рабочей студии», «Поднимающий знамя» и «Интернационал») читается целая повесть о людях, совершивших и отстоявших нашу революцию. Художник скупи на подробности, полотно его всегда психологично, мысль картины он стремится передать через человека, его лицо, глаза, жест. Особенности художественной манеры Коржева ярко проявляются и в картинах, которые мы публикуем на этой вкладке.

Необыкновенное впечатление производил «Уличный певец» Г. Коржева на выставке московских художников. В огромном зале, среди множества пейзажей и жанровых полотен, внимание зрителей привлекало к себе лицо уличного певца, занявшее чуть ли не весь большой холст. Запрокинутая голова, скрытые темными стеклами очков незрячие глаза, впалые небритые щеки. Как много может рассказать зрителю такая предельно лаконичная картина! Тут и вопиющая социальная несправедливость, жертвой которой стал этот человек, его бедственное положение, одиночество и вместе с тем большое человеческое достоинство. В обществе, где никому ни до кого нет дела, слепой певец не сдается: своей песней он не только зарабатывает кусок хлеба, но и обвиняет...

А вот картина «Художник». На этот раз внимание Г. Коржева привлек ярко освещенный солнцем уголок оживленной улицы. Прямо на панели, у ног прохожих, художник рисует картину. Кто-то равнодушно проходит мимо, кто-то, мельком глянув на картину, бросает мелкую монету, кто-то любопытный подолгу глазует на каждый штрих, выходящий из-под руки художника. А художник, не обращая внимания на зевак и, видно, забыв уже о том, что рисует он на асфальте, а не на холсте и что уже через несколько часов его произведение будет стерто и вытоптано, творит. Рядом с художником, прислонившись к стволу дерева, сидит молодая женщина. Мы не знаем, кто она такая: жена художника или просто такая же, как он, обездоленная. Но то, о чем забыл, увлеченный любимым делом, художник, написано на ее лице: нужда, унижение, безысходность.

Две уличные сцены, вероятно, увиденные Г. Коржевным во время его зарубежных поездок, запечатлены с такой выразительностью, с такой силой обобщения, что они звучат как гневное обвинение обществу, которое враждебно простому человеку, враждебно творчеству.

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ,
ХУДОЖНИК.

Г. КОРЖЕВ.

НАВСТРЕЧУ ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ЖЕНЩИН

Раз в год Международная демократическая федерация женщин собирает представителей своих национальных организаций, женских групп и движений, сотрудничающих с нею, на сессии Совета. Последняя такая встреча состоялась в Берлине в декабре минувшего года.

Сессия Совета—всегда большое событие в жизни Федерации. Собираясь вместе, женщины рассказывают о том, что было главным для них за минувший год, обмениваются мнениями о предстоящих задачах.

Участницы Берлинской сессии в своих выступлениях настойчиво подчеркивали, что в настоящее время главной задачей женских организаций продолжает оставаться борьба за сохранение и укрепление мира, за всеобщее и полное разоружение, за мирное сосуществование между народами.

Многие отмечали, что мир, в котором мы живем, вступил в новую эру, открывающую большие возможности для предотвращения войны. Но, чтобы навсегда исключить войну из жизни общества, нужны серьезные усилия всех жаждущих мира. И женщины ни на один день не прекращают своих действий во имя этой извечной мечты человечества. О выступлениях японских женщин против американских военных баз в их стране, против кабального американо-японского «договора о безопасности», за заключение соглашения о прекращении раз и навсегда ядерных испытаний сообщила делегатка Японии.

Представительницы Федеративной Республики Германии рассказали о том, как женщины их страны борются против милитаризации, против атомного оружия, за мирные связи между Восточной и Западной Германией. Женщины Голландии требовали вывода голландских войск с территории Индонезии и передачи Индонезийской Республике Западного Ириана. Патриотки Вьетнама и Кореи добиваются мирного воссоединения своих государств...

Горячо, взволнованно говорили делегатки: на памяти каждой те тревожные дни, когда из-за провокационной агрессивной политики США наша земля была на волоске от термоядерной катастрофы. Они вспоминали, как в дни наибольшей опасности на улицы городов Италии, Австрии, Франции, Уругвая и многих других стран выходили женщины с плакатами «Руки прочь от Кубы!», с требованиями преградить путь войне.

В те критические дни немало женщин, дотоле стоявших в стороне, остро осознало всю реальность нависшей опасности и влилось в ряды сторонников мира.

Большое место в работе сессии Совета было отведено, как и всегда, вопросам борьбы женщин за равноправие в обществе и семье. Во многих странах женщины являются жертвами всякого рода дискриминации. Возьмем хотя бы право на равную оплату за равный труд. Многие женские организации отдают немало сил за претворение этого принципа в жизнь. Как о большой победе сообщила делегатка Австралии о том, что с 1 января 1963 года учительницы Нового Южного Уэльса, одного из штатов Австралии, будут получать равную оплату со своими коллегами мужчинами.

Участницы сессии выразили озабоченность в связи с положением детей и молодежи. В мире немало детей, которые постоянно недоедают, не имеют медицинской помощи и необходимого ухода. Далеко не все юноши и девушки могут получить общее образование, а затем профессиональную подготовку. И это в то время, когда огромные суммы выбрасываются на вооружение!

Подчеркнув, что подготовка войны не ограничивается только изготовлением оружия, а сопровождается раздуванием военной истерии и отравлением сознания молодежи человеконенавистничеством, участницы сессии подняли свой голос за необходимость воспитания детей и молодежи в духе мира и дружбы между народами.

На Берлинской сессии Совета было принято важное решение о проведении в Москве 24—29 июня 1963 года Всемирного конгресса женщин. Созываемый МДФЖ конгресс даст возможность женщинам мира свободно и открыто обменяться мнениями по самым неотложным вопросам и договориться о совместных действиях во имя достижения общих целей.

В «Обращении к женщинам всего мира», принятом на сессии, говорится:

«...Конгресс обращен ко всем миролюбивым женщинам, работницам, крестьянкам, женщинам интеллектуального труда, матерям, охраняющим жизнь своих детей. Мы ожидаем, что он встретит поддержку женщин всех стран различных континентов, тех, кто является членом организаций, входящих в МДФЖ, тех, кто состоит в других женских организациях и движениях, самых различных видных деятелей.

МДФЖ призывает всех поддержать и принять участие во Всемирном конгрессе женщин, в повестку дня которого включены следующие вопросы:

— всеобщее и полное разоружение, мир, суверенитет, национальная независимость и демократические свободы, защита человеческого достоинства;

— завоевание, обеспечение и защита прав женщины, как матери, трудящейся и гражданки;

— защита прав детей на жизнь, здоровье и образование.

Обстановка взаимного уважения, доверия и дружбы между женщинами всех стран обеспечит возможность широкой и свободной дискуссии и будет способствовать успешной работе конгресса.

Матери!

Трудящиеся!

Гражданки!

Этот конгресс — ваш конгресс. Ваше участие, участие вашей организации будет способствовать общим усилиям женщин всего мира в борьбе за мир, национальную независимость, права женщин и счастье детей.

Во многих странах уже идет подготовка к конгрессу. Участницы сессии знакомят женщин своих стран с решениями Совета, рассказывают им о предстоящем конгрессе, проводят дискуссии и конференции по вопросам, включенным в повестку дня конгресса. Начался сбор сувениров и подарков, вещей для лотерей и базаров, средства от которых пойдут на оплату проезда некоторым делегаткам на конгресс.

До конгресса остается несколько месяцев, а предстоит большая работа. Советские женщины будут рады принять представительниц всех стран и народов в своей столице.

Добро пожаловать, дорогие подруги!

Л. БАЛАХОВСКАЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ! А ЧЕМ ВЫ ДУМАЕТЕ ВСТРЕТИТЬ КОНГРЕСС?

ЭТО МОГУТ БЫТЬ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТРУДОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, И ДОСРОЧНОЕ ОТКРЫТИЕ ДЕТСКИХ САДОВ И ПЛОЩАДОК, И КОНЦЕРТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СРЕДСТВА ОТ КОТОРЫХ ПОЙДУТ В ФОНД МИРА, И МНОГО ДРУГИХ ХОРОШИХ ДЕЛ. СООБЩИТЕ НАМ, КАКОЕ УЧАСТИЕ ПРИНИМАЕТЕ ВЫ В ПОДГОТОВКЕ К ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ЖЕНЩИН.

КАК ФУЧИК

«Об одном прошу тех, кто переживает это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Эти слова принадлежат Юлиусу Фучику, страстному антифашисту, писателю, коммунисту.

Почти два десятилетия прошло после окончания второй мировой войны, а человечество продолжает кропотливо, порой по крупицам, собирать правду о людях, боровшихся против фашизма, о погибших в этой борьбе. И каждое новое свидетельство об их подвигах и об их будничной работе обогащает людей и историю.

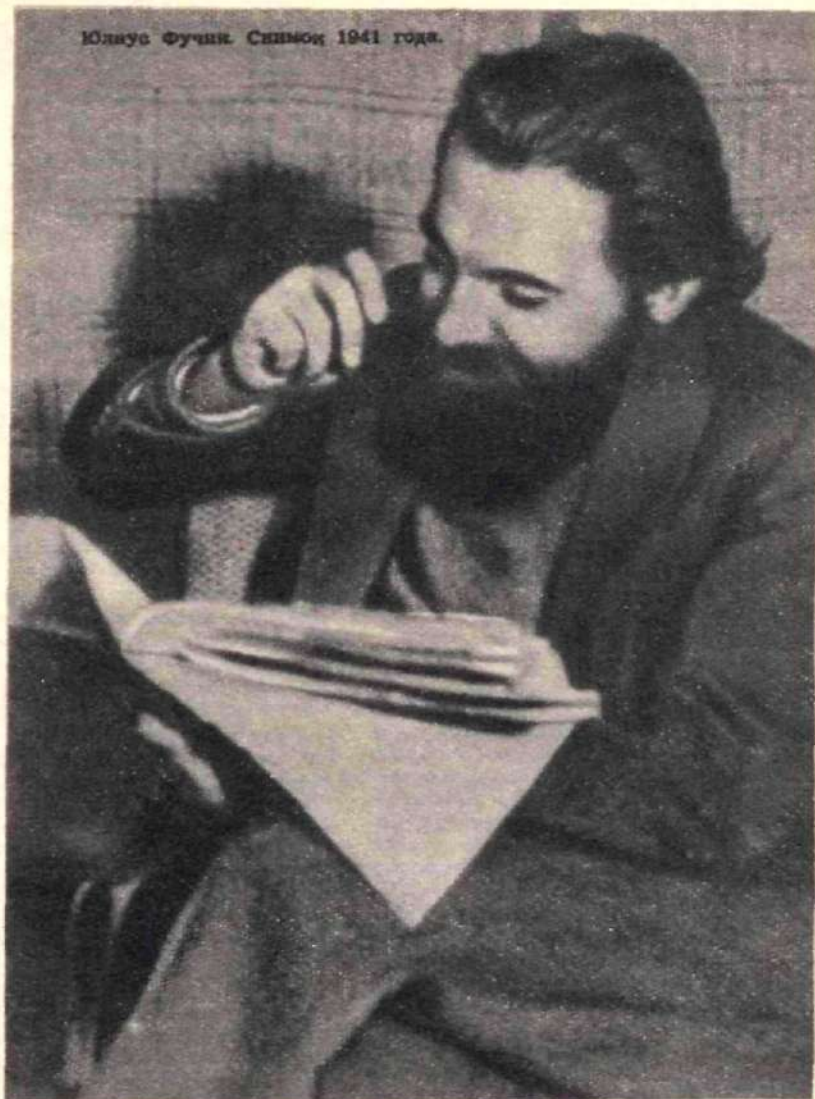
Имя самого Юлиуса Фучика известно всему миру. Оно стало символом верности партийному и писательскому долгу, высокого человеческого духа, несгибаемой воли.

Никакие пытки не смогли убить в этом человеке любовь к жизни и к людям, веру в победу. И лучше всего об этом свидетельствует его завещание людям, его книга, написанная в фашистском застенке, «Репортаж с петлей на шее».

Его судьба, его книги не только обличают страшные преступления фашизма, они учат людей бдительности и героизму. В феврале этого года Фучику исполнилось бы шестьдесят лет. Сколько еще прекрасных книг он мог бы подарить человечеству!

Мы публикуем воспоминания жены писателя Густины Фучик о том, как Юлиус Фучик руководил подпольной печатью в годы фашистской оккупации Чехословакии.

Юлиус Фучик. Снимок 1941 года.

РУКОВОДИЛ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТЬЮ

В 1941 году Центральный Комитет Чехословацкой компартии, членом которого был Юлиус Фучик, возложил на него руководство нелегальной печатью. Фучик постепенно создал целый подпольный информационный центр. Его информаторами стали два других члена ЦК: Ян Знка и Ян Черный; у обоих, в свою очередь, была своя сеть людей. Через товарища, который работал в правлении акционерного общества «Шжода», Фучик получал важную политическую и военную информацию не только из Праги и Пльзена, но из Берлина, Турции, Швеции, Румынии и Швейцарии. С Фучиком сотрудничал также замечательный коммунист Курт Глазер, погибший позднее. Через него Фучик получал сведения даже... из разведывательного управления германского генерального штаба.

Кроме того, у Фучика были информаторы среди трамвайщиков, железнодорожников, учителей, чиновников, врачей и актеров. Один из них давал ему сведения лично, с другими он общался через связных.

С лета 1941 до весны 1942 года Фучик был главным редактором и одновременно наборщиком и метранпажем газеты «Руде право»; остальные нелегальные издания были также делом его рук. Фучик на машинке отстукивал весь номер газеты в том виде, в каком он должен был выйти в свет, закладывая при этом под копирку десять экземпляров. Эти экземпляры связные разносили по отдельным подпольным типографиям. Такая типография называлась у нас «техника». Типографии были маленькие, с ручными прессами, в некоторые «техники» располагали лишь ротатором, а то и просто пишущими машинками, спрятанными в квартирах и подвалах товарищей. Подпольщики в «техниках» набирали номер в соответствии с полученным образцом или переписывали его на восковку и размножали на ротаторе. Затем связные разносили пачки газет в другие квартиры, служившие своего рода экспедициями. Только оттуда газета уже шла к читателю.

В Праге было много таких подпольных «техник». Одна из них была вблизи нелегальной квартиры Фучика, в районе Панкрац. Другую мы организовали в издательстве Мелантрих (тайне от издательского руководства), где нелегальное «Руде право» выходило в формате школьной тетради, напечатанное мельчайшим шрифтом на белоснежной бумаге. Мелантриховское издание «Руде право» было нашей гордостью.

Газета «Руде право» выходила раз в месяц. Чаще в нелегальных условиях она выходить не могла.

Тем не менее ко всем знаменательным событиям и датам Фучик выпускал специальные издания «Руде право». Одним из самых замечательных номеров был ленинский в январе 1942 года.

Юлиус Фучик стремился к тому, чтобы нелегальная печать была как можно более доходчивой. Для этого он в соответствии с решением ЦК начал издавать, кроме «Руде право», еще одну газету, посвященную борьбе за нацио-

нальное освобождение и предназначенную для широких масс. Эту газету он назвал «Табор» и сам нарисовал ее заголовок.

Позднее Центральный народный революционный комитет решил издавать журнал для женщин. Это дело тоже было поручено Фучику. Журнал назывался «Чешская женщина».

Зимой 1941 года Фучик стал издавать подпольный сатирический журнал «Колочка». Он помещал в нем антигитлеровские анекдоты, которые ходили в народе, сам сочинял эпиграммы и рисовал карикатуры.

Как в то время жилось Фучику в Праге?

Гестапо охотилось за ним с 1940 года. Сперва его разыскивали в Пльзене, затем в деревушке Хотимерж, Домажлицкого края. В Пльзене сыщики Фучика не нашли, а в Хотимерже его пришел арестовать в июле 1940 года чешский полицейский хамист Говорка. Между Фучиком и чехом-полицейским произошел драматический разговор, решивший судьбу не только Фучика, но и Говорки. Арестовать или не арестовать? Фучик и полицейский все же договорились, что Фучик ночью уйдет из Хотимержа, а Говорка доложит начальству, что не нашел его.

Фучик уехал в Прагу, но пойти в нашу пражскую квартиру он не мог, потому что там засели гестаповцы, подстергавшие его уже две недели. Фучик переменял немало явок и некоторое время жил в окрестностях Праги, пока товарищи не поместили его в семье Ветенглов в Вршовицах. Никто в доме не должен был знать, что в квартире Ветенглов кто-то прячется, поэтому Фучик выходил на улицу только раз в два три дня, поздно ночью. Он отпустил себе бороду. Когда я через месяц поехала повидаться с ним, я даже не сразу его узнала. То-то он обрадовался! Уж если я его не узнала, значит, никто не узнает.

Фучик никогда не жаловался на скуку. Всегда у него было много работы. По вечерам, когда приходили домой Ветенглы, они все вместе пели, сидя в кухне, слушали заграничное радио, а Фучик рассказывал хозяевам о Советском Союзе.

Прожив у Ветенглов пять недель, Фучик снова переменял квартиру. На этот раз он поселился у Славки Дитетовой, однако смог там пробыть только две недели. Стены квартиры были так тонки, что у соседей было слышно каждое произнесенное слово.

Следующим прибежищем Фучика была квартира семьи Баксов на Панкраце. Когда его привели туда, дома была только Йожка Бакс и ее младшая сестра Лида Плаха. Фучик потом мне рассказывал, что он перепугал их обеих своей заросшей физиономией, однако они приняли его по-дружески, и Йожка предложила ему жить у них сколько он хочет, хотя бы два года. По тем временам это было героическое предложение.

Семья Баксов жила на четвертом этаже. Фучик в течение нескольких месяцев совсем не выходил на улицу и только вечером, в потемках, высовывался из окна и говорил, что «идет на прогулку».

Никаких документов у Фучика не было. Мы старались раздобыть для него

метрику или удостоверение личности какого-нибудь умершего человека. Это было трудно, потому что после ареста первого состава ЦК (в феврале 1941 года) все наши связи были потеряны. Однажды Йожке Бакс попало в руки удостоверение личности. «Вот радость-то, теперь у Фучика будет документ!» — подумала она, но, взглянув в удостоверение, обнаружила досадное совпадение, его владельца звали... Фучик.

Позднее Фучику удалось установить связи с товарищами, которые доставали в полиции чистые бланки удостоверений личности. В эти бланки вписывались фиктивные имена. Удостоверение для Фучика товарищ Высушил заполнил на имя учителя Карела Гоража. Такой документ, конечно, нельзя было сдать на прописку, однако его можно было предъявить в случае, если бы Фучик попал где-нибудь ночью под проверку документов.

При встречах Фучик обычно заставлял меня рассказывать, кого из общих знакомых я видела, с кем разговаривала. Его интересовало одно: нельзя ли использовать этих людей в антигитлеровской борьбе?

В начале 1942 года была закончена длительная подготовка к нелегальному изданию «Табора» (решение об этом ЦК партии принял еще осенью 1941 года). Фучик нашел видных авторов и готовил к печати первый номер. Выход этого литературного еженедельника должен был быть большим сюрпризом читателям, и Фучик заранее радовался. Он любил «Творбу», которую редактировал с небольшими перерывами почти десять лет. Но как раз когда первый, майский номер уже был готов к печати, Фучика арестовали.

Нелегальная печать партии все росла: увеличивалось количество изданий и их тираж. Я думаю, что никогда не было так много подпольных изданий, как в то время, когда этим делом руководил Юлиус Фучик.

Встревоженное гестапо бросило все силы на то, чтобы уничтожить тщательно построенную подпольную сеть. Это удалось гестаповцам после того, как их агент Дворжак выкрал в доверие к трамвайщику Елинеку. Как известно, Фучик был арестован в квартире Елинеков.

Что я могу добавить к «Репортажу с петлей на шее»? Свою подпольную работу так долго неуловимый для гестапо Фучик продолжал и в самом гнезде гестаповцев — во дворце Печек и в тюрьме Панкрац. И там он был полон сил и оптимизма.

Помню, например, как в «Четырехсотке» в 1942 году мы демонстративно отпраздновали Октябрьскую годовщину, Фучик сагитировал чешского полицейского чиновника, чье дежурство приходилось как раз на 7 ноября, и около десяти часов утра этот чиновник закричал всем находившимся в «Четырехсотке» заключенным: «Встать!» Мы встали и стояли навтыжку несколько минут. Каждый из нас знал, что это значит: ведь заключенные в «Четырехсотке» были коммунисты. Так мы воздали честь Октябрьской революции, вспоминая русских товарищей, пример которых давал нам уверенность в победе.

Перевел с чешского Юр. МОЛОЧКОВСКИЙ.

Лисья

Ирина РАКША

Рассказ.

Она долго стояла у дороги, спрятав морщинистые руки под грязный передник, и смотрела на окна соседней избы. За ее спиной по деревенскому большаку протарахтел синий рейсовый автобус. Потом, рыча, проплыл груженный самосвал, выбрасывая из-под колес рифленые лепешки грязи. А она все стояла и не решалась войти в соседскую избу.

А в той избе приемник в углу плескал какой-то игривой мелодией и зеленым немигающим глазом смотрел на комнату с русской печью, на старую хозяйку, чистящую картошку, и на двух светловолосых студентов, приехавших сюда из города на практику.

Обе они — загорелые, коротко остриженные — расположились на широкой хозяйской кровати. Одна лежала и листала старый «Огонек». Другая сидела рядом и, свесив босые ноги, вязала свитер. Клубок красной шерсти бился в чистом чулунке, поставленном на пол. Бился, стучал о стенки и все никак не мог высочить.

Лежащая девушка перелистнула последнюю страницу журнала.

— Слушай. «Известный польский композитор». Пять букв. — Она подумала и обрадовалась: — Ага. Шопен! — Записала буквы в кроссворд. — Дальше. «Река в Восточной Германии». Тоже пять букв... Ты не знаешь?

— Две — изнанка, три — лицо, — пропентала подруга и мельком сказала: — Эльба, может?

— Нет. На «ш». Ше-ше-ш-ш-ш... Нет, не знаю. Ладно, дальше. «Мясличное растение». Семь букв.

— Ежели масляное, так лен, поди, али конопля, — сказала хозяйка, бросая в ведро длинную спираль картофельной очистки.

— Ко-но-пля, точно. Вот здорово! — обрадовалась девушка.

...Женщина наконец решила. Пересекла по тропинке соседский двор и стала подниматься на крыльцо.

— Верка идет, — увидев за стеклом

пеструю косынку, сказала хозяйка и шепотом добавила: — Вы ее очень не слушайте. Она, правда, тихая и работает. А только как мужика у ней в войну убило...

Дверь несмело скрипнула, и она вошла — маленькая, сухонькая, седая. Стоя у двери и все держа руки под фартуком, поклонилась студенткам. Те, с любопытством глядя на нее, поздоровались.

— Гляжу, значит, учитесь, — тихо и серьезно сказала она. — А я мешаюсь тут. Тогда я завтра приду.

— Да что вы, нет! — улыбнулась девушка с вязаньем.

— Нисколько, — отложила журнал ее подружка и приподнялась на локте.

— Садись, садись, Верка, — грубовато, но дружелюбно сказала хозяйка. — Щас ужин будет. А девки мои, вишь, отдыхают. В поле нынче намотались. С непривычки. Садись, садись.

Дробная музыка заливала избу. Клубок красной шерсти опять запрыгал в чугунике.

Женщина села у стола на край табуретки. Темными, запавшими глазами стала смотреть на студенток.

— Дело у меня к вам, — серьезно сказала она и вынула руки из-под фартука. — Письмо отписать надо.

В руках у нее был новенький конверт с яркой картинкой.

— Да не трожь ты их, Ве-ерка, — вдруг недовольно протянула хозяйка, наливая в чугунок воду. — Ты же недавно отослала.

Женщина обиделась. Поджала сухие губы.

— Еще надо. А тебе жалко, что ли?

— Да не жа-алко, — опять недовольно сказала хозяйка, — а устали девчонки. Чего зря расписывать-то!

Женщина помедлила, точно прислушиваясь к мелодии. Клубок шерсти в чугунике тоже замер. Потом поднялась.

— Ну, что вы! — Студентки разом соскочили с кровати. — Конечно, напишем. — И к хозяйке: — Ну зачем вы так? Нам же нетрудно.

Хозяйка только рукой махнула и вышла в сенцы.

Они расположились на краю стола. Та, что отгадывала кроссворд, выключив приемник, взялась за карандаш. В комнате стало тихо-тихо. И тогда женщина, подперев щеку темной ладонью, стала диктовать:

— Здравствуй, милый мой Вася. Пишет тебе жена твоя Вера. — Она, не мигая, смотрела на первые строчки, появившиеся на белом листе. — Ты, небось, думаешь, непорядки тут у

нас. И беспокоисси. Так ты не думай. Дочка-то наша бумагу на маляра получила. В район подалась. Постепенно строгое глаза ее точно оттаивали и чуть-чуть улыбались: — Улетела голубка наша из дому. Не вернется, пооди. А красавица стала, а умища!.. Председатель об ей жалел, что уехала...

Девушка писала. Светлые прядки упали на лоб. Хозяйка стояла у косяка, горестно покачивая головой.

— А Савьяк письмо прислал из армии. Приветы всем шлет. — Темные строки ложились на бумагу. — Так ты тоже не сомлевайся. Скоро отслужит. Помощником в доме будет. А то сарай чинить надо...

Женщина смотрела куда-то за окно спокойными, невидящими глазами.

— А щас одна я. Все жду да жду. Поросяточка бы надо. Вот пенсию твою жду. Да еще в конторе мне за работу дадут. Мы же нынче настоятели много.

На секунду она замолчала и, как бы придя в себя, уже строго взглянула на лист.

— Привет тебе от кладовщика Федора. От Кузьмовны, от тети Насти. От соседей наших, Лёзиных. А также шлет привет Надька-бухгалтерша. На этом кончаю. С приветом к тебе жена твоя Вера.

Она бережно вытаскала из кармана и положила перед девочкой пожелтевший от времени, замусоленный треугольник солдатского письма.

— Адресок тут его.

На истертом конверте девушка прочла еле видные строки обратного адреса: «Германия. Баутзен-на-Шпрее. Полевая почта... Горохову Василию».

— Точно. На Шпрее. Река это такая, — пояснила женщина, — он писал.

Девушка медленно подняла голову. И женщина заглянула ей в глаза.

— А ты не скажешь, далеко ль это?

И та потупилась:

— Далеко.

Уже совсем стемнело, когда женщина, тихая и довольная, спустилась с крыльца и зашагала через двор к калитке. Письмо она держала под фартуком.

Девушки сидели молча. Было так тихо, что слышалось, как урчит в печи вода и бьется о стекло залетевший в комнату шмель.

— В сорок пятом погиб, а каждый месяц пишет, — вздохнула хозяйка, ставя на стол дымящуюся картошку. — На почте уж целый сундук ее писем... Почитать — слезами зальешься. — И добавила: — Мой-то раньше погиб...

Она зачем-то вышла. И опять стало слышно, как гудит и тяжело бьется о стекло шмель.

Писавшая девочка вернулась к кровати и что-то задумчиво вывела в журнале. А другая подошла к окну и распахнула створки.

На вечерней улице было шумно. На обочине по грязной трассе мальчишки гоняли мяч. Где-то плакал ребенок. А по дороге шла на почту маленькая, сгорбленная женщина.

Рисунки Ю. ТЕРЕБИЛОВА.

Пикеты фермеров с утра до вечера патрулировали у скотобоен.

Фото из американского журнала «Юнайтед стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт».

«МЫ НЕ НАМЕРЕНЫ ОТСТУПАТЬ НИ НА ШАГ»

Один за другим поднимались на трибуну просто одетые люди, в которых сразу можно было угадать фермеров.

Они съехались в Де-Мойн, столицу штата Айова, из разных районов Среднего Запада по призыву Национальной организации фермеров (НОФ). Многие привезли с собой семьи. Самый большой в городе зал, на 15 тысяч человек, был заполнен до отказа. Результаты невиданного для этих краев митинга — единодушно принятая резолюция о проведении «фермерской забастовки». Каждый из участников митинга обязался не продавать скот и зерно до тех пор, пока монополии пищевой промышленности, скупающие сельскохозяйственную продукцию, не повысят цены в среднем на 11—35 процентов.

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

Митинг состоялся 29 августа 1962 года. А с 1 сентября началась забастовка. На перекрестках шоссе дорог, на въездах в населенные пункты появились пикеты фермеров. Они останавливали и заворачивали машины, везущие на рынок скот и зерно, блокировали помещения, где проходили аукционы по продаже крупного рогатого скота и свиней. В течение всего сентября в штатах Айова, Миннесота, Канзас, Миссури проходили массовые демонстрации фермеров.

В первые дни газеты не выдавали тревоги. Крошечные сообщения прятались на внутренних полосах среди бесчисленных реклам. Но уже на вторую неделю забастовки на первых полосах газет появились заголовки: «Восстание фермеров на Среднем Западе!» Об этом заговорила вся Америка.

ЗАБИТЫЕ ОКНА

Средний Запад — те штаты, которые раскинулись по берегам полноводной Миссисипи, — называют «истинным сердцем Америки». Мягкий и в меру влажный климат, тучные земли определили роль и значение их в экономической жизни Соединенных Штатов. Это «кукурузный пояс» страны. Производство зерна — ведущая отрасль хозяйства. На его базе широко развилось скотоводство. С нуждами сельского хозяйства связана и промышленность: заводы по производству сельскохозяйственной техники, удобрений, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции.

Десятилетиями Средний Запад не знал социальных бурь. По сложившемуся убеждению, это край «уравновешенных и добропорядочных фермеров», ревнивых хранителей «дедовских традиций».

Но сегодня его не узнать.

Среди бесконечных полей кукурузы и пшеницы, огромных стад, высоких силосных башен, вместительных зернохранилищ мелькают дома с заколоченными крест-накрест окнами. Брошенных ферм много. Край, «дышащий изобилием и благополучием», предстает как арена жестокой борьбы за существование. Жилища без хозяев — немые свидетели разыгравшихся здесь трагедий.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЦИФРЫ

В опубликованном недавно статистическом отчете Бюро переписи населения США нашли наглядное отражение перемены в сельском хозяйстве за последние десять лет.

За годы пребывания у власти правительства Эйзенхауэра «исчез» миллион ферм. Их земельные участки присоединены к владениям крупных монополий. При новом правительстве Кеннеди процесс разорения идет еще быстрее. 2 миллиона ферм объявлены «лишними», и по замыслу правительственных чиновников они исчезнут в ближайшее время.

Первыми, естественно, бросают землю фермеры, владеющие очень небольшими участками и вынужденные прибавлять на стороне, чтобы прокормить семью. Таких ферм осталось уже сравнительно немного. Характерно, что Бюро переписи даже не внесло в списки 232 тысячи ферм, относящихся к этой категории. Они просто списаны со счета.

Разорение захватывает все более широкие слои сельскохозяйственного населения Соединенных Штатов.

Способ поглощения ферм сельскохозяйственными монополиями очень прост. Искусственно занижая цены, они легко бьют менее сильных конкурентов. С другой стороны, мелкие и средние фермеры находятся в полной зависимости от монополий пищевой промышленности, скупающих их продукцию. С каждым годом они платят фермерам все меньше. Зато стоимость промышленной продукции неуклонно растет.

«Ножницы цен» — настоящая ловушка. «Фермеру приходится очень трудно, — говорил на митинге Обри Циммерман из города Марри (штат Айова). — Чтобы купить трактор во время второй мировой войны, мне пришлось продать 40 свиней. А если бы я захотел купить такой трактор сейчас, мне пришлось бы продать 100 свиней».

Из-за роста цен на технику себестоимость сельскохозяйственной продукции увеличивается, тогда как доход падает. Задолженность фермеров в 1961 году достигла 2 миллиардов 200 миллионов долларов и только за год правления Кеннеди увеличилась на 1 миллиард 800 миллионов.

Министр сельского хозяйства Орвил Фримэн на первых порах твердил о необходимости повышения дохода фермеров. Но вскоре, подобно айзенхауэровскому министру Бенсону, он заговорил о том, что «менее способных к успешному хозяйствованию» будут «вымораживать». Вот и получилось, что за год «исчезло» еще 123 тысячи ферм.

ВЫБОР СДЕЛАН

Куда же идти фермеру и его семье, согнанным с земли? В городе, где уровень безработицы не первый год составляет 6 процентов от общего числа работающих? Или в двухмиллионную армию батраков? Но и здесь заработать на хлеб становится все труднее: почти треть сельскохозяйственных рабочих без дела. Нищета и голодная смерть или борьба — вот выбор, перед которым стоят миллионы американских фермеров. И массовая забастовка на Среднем Западе ясно показала, что выбор сделан. Президент НОФ, фермер Орин Ли Стэйли, говорил на митинге от имени 150 тысяч членов своей организации: «Мы отступали до тех пор, пока могли. Мы не намерены отступать больше ни на шаг».

НОФ отказалась от политики соглашательства и «непротравления злу». От петиций она перешла к забастовкам. За последние три года она трижды поднимала фермеров на борьбу, чем и снискала себе авторитет и признание. Но в «штабе» НОФ в городе Корнинг (штат Айова) считают это только началом. Главная задача, которую ставит перед собой организация, — убедить всех фермеров в необходимости забастовочной борьбы. Сентябрьская забастовка, продолжавшаяся 33 дня, доказала это наилучшим образом. Некоторые монополии вынуждены были повысить оптовые цены и вступить в переговоры с НОФ. Фермеры почувствовали свою силу. Они поняли, что, действуя сообща, настойчиво и организованно, могут многого добиться.

Фермерская Америка стоит перед новыми классовыми битвами.

А. ЮГОВ

ОГНИ НОВОСЕЛЯ

По обе стороны дороги тянутся к правлению раскидистые ветлы. Деревьям этим по пять-шесть десятков лет, они ровесники Дмитрия Ивановича Иванова, председателя колхоза «Россия».

Многое может вспомнить старый коммунист: годы коллективизации, когда создавал он колхоз, войну, разрушившую хозяйство дотла, нелегкие послевоенные времена.

Памятен председателю и один осенний день 1960 года.

Идет общее собрание колхозников.

— По всей стране посева коммунизма уже как бы в колос входят, — говорит Дмитрий Иванович. — Пора и нам со стариной прощаться — с избами, ведрами, ухватом и прочим. Вот и предлагает правление в Логовине дом построить. В четыре этажа, со всеми удобствами. Деньги у нас имеются, да и государство в помощи не откажет.

Колхозники проголосовали «за». И вскоре в Логовине стало шумно. Рокоча от натуги, грузовики подвозили к строительной площадке кирпич, трубы, балки, цемент. Трудились на стройке сами колхозники. Только одного прораба пришлось пригласить из города.

Со дня собрания прошло два года. И вот он стоит напротив правления — дом, слоано с улицы большого города перенесенный сюда, в некогда глухое и нищее село Псковщины. Сорок восемь прекрасных квартир колхозников просторны, удобны, уютны.

— А ты на каком этаже хотела бы жить?

Недавно мне довелось побывать в Логовине.

— Ну как, нравится земледельцам городское жилье? — спросил я у Дмитрия Ивановича Иванова.

— А вы зайдите в любую квартиру. Хозяйки лучше меня вам все расскажут, — посоветовал председатель.

* * *

На лестничной площадке четыре двери. Нажимаю наугад кнопку звонка: дзень...

На пороге появляется колхозница лет тридцати пяти, худощавая, среднего роста. Серые глаза смотрят вопросительно, но приветливо.

— Здравствуйте, входите.

Так познакомился я с льноводкой Ниной Ильиничной Кузьминой.

В ее квартире лоснятся гладкие полы, покрытые линолеумом. Через большие окна льется свет. А розовые стены с тонким узором деляют комнаты веселыми и улыбочивыми, как глаза хозяйки.

Обстановка тоже новая: покрытый лаком шкаф, широкая тахта, круглый стол, этажерка с книгами, радиоприемник.

Нина Ильинична показывает мне квартиру. Комнату поменьше отвели детям. А в большой разместились взрослые.

— Места много, — говорит Нина Ильинична, — есть где гостей принять. А теперь на градусник гляньте. Сколько?

— Около двадцати.

— И так круглые сутки. А в избе-то натопишь печь — духота, а к утру — холодно. Ну, там у нас кладовка для всякой всячины. Идемте дальше.

В кухне плита с духовкой. В стену вделан шкаф для посуды. Над эмалированной раковиной — водопроводный прозрачный кран.

— Хлорвиниловый! — довольная, сообщает Нина Ильинична.

Такие звучные слова, как «хлорвиниловый», «эмалированный», «линолеум», «амонтированный» (это относится к электросчетчику, скрытому в стене), она, простая крестьянка, произносит с особой гордостью. Видно, что все в квартире и для нее самой еще ново, еще не успело стать обычным.

Колхозница ведет меня дальше.

— Вот прихожая. Ну, тут... сами понимаете. А вот и ванна.

Матовой белизной отлиывает ванна, над ней повисла никелированная головка душа. Поверни красную ручку — потечет горячая струя, синюю — холодная.

— Полежишь после работы в теплой воде, разотрешься как следует полотенцем — усталости как не бывало.

Мы возвращаемся в комнату. Нина Ильинична думает о чем-то, потом начинает тихо говорить, будто сама с собой:

— Родилась я в деревеньке неподалеку. Там же и замуж вышла. И, казалось бы, все шло хорошо — так нет. Неладные у нас отношения с матерью Александра сложились: попрекала меня тем, что в дом с пустыми руками пришла. Дальше — больше. Теперь-то она часто у нас гостит, и старое промем нам забыто, а тогда... Короче, подкопили мы с мужем денег и сторговали в соседней деревне избушку. Низенькую, тесную — в одну комнату... Да, досталось мне в той халупе. Верите, с работы даже домой не тянет: знаешь, что там не отдых тебя ждет, а одни хлопоты. Еле-еле к полночи упрямишься. Поехала я как-то к брату в Ленинград. Он от завода квартиру получил, ну и позвал на новоселье. Погостила у него, так, знаете, зависть меня взяла: мне-то, думаю, никогда так не пожить. И ошиблась. Между прочим, наша квартира получше братининой будет.

Нина Ильинична поправила прядку волос, снова на лице ее появилась озорная девчачья улыбка:

— Переезжали мы — смех один. Заявление-то на квартиру я подала, только не верилось мне, что его уважат. Ведь не агроном я, не бригадир, в знатных не числюсь. И вдруг председатель вызывает меня и ключ протягивает: бери грузовик, говорит, и перебирайся. А в халупе-то нашей что было? Стол дощатый, кровать да две лавки. Осточертела мне эта обстановка за девять лет. Нет, думаю, в новой квартире по-новому и жить! Мигом взяла деньги в сберкассе и — в райцентр, в мебельный магазин. В один день и переселились. Понятно, времени свободного при таких удобствах стало много: то в клуб пойдешь, то книжку возьмешь почитать. На будущий

Ирочке Душко в новом доме больше всего нравится ванна.

год решили с мужем в вечернюю школу записаться: десятилетку надо окончить, а то перед детьми стыдно — дочка меня по образованию уже обгоняет.

— А как теперь с личным хозяйством? На магазин перестроились?

— Нет, у меня и яички свои, и картошка, и мясо...

Рядом с новым домом построили большой сарай, напоминающий здание фермы. В нем по количеству квартир 48 просторных хлевов с чуланами. Там и хранят носовелы дрова, картофель, корма, содержат птицу и свиней. Сразу же за сараем начинается поле, где каждой семье выделен участок под огород.

— А коров мы еще два года назад артели продали, — говорит Нина Ильичина, — и жалеть не пришлось. От забот, хлопот избавились: бери с фермы молоко по 3 копейки за литр и пей на здоровье...

— Да, действительно, прекрасный у вас дом. Почему же колхозники не спешили сюда вселяться?

— Было такое, верно... Наша-то семья не пример, я заявления сразу подаю — такой хатенки, в какой мы ютились, пожалуй, во всей округе не сыщешь. А у других избы крепкие, добрые. Каждый думал про себя: пусть, мол, сосед сперва переедет, а я погляжу. Между прочим, как мы переехали, долго нам покоя не было. В квартиру, как на выставку, народ повалил. Осмотрят, ощупают все до последнего шпингалета и бегут заявление писать.

— А остались такие, что не захотели переезжать?

— Да вроде нет. Разве только одна Григорьевна...

* * *

У скрипучей калитки я встречаю старушку: она пригнулась под тяжестью ведер, покачивающихся на коромысле. Ей лет семьдесят.

— Вы Анна Григорьевна Семенова? Старушка глядит на меня тревожно: — Я... А вы, случаем, не садом ин-

тересуетесь? Так ведь эти яблоньки колхоз взамен моих дал. Все по закону... Или, может, что не так?

— Не волнуйтесь, я пришел не из-за сада.

Изба Семеновой стояла на том самом месте, где теперь высится дом. Анне Григорьевне первой предложили переехать в новую квартиру. А она отказалась. Пришлось ее избу переносить на новое место.

К избе ведет кривая узкая тропка. Вход через хлев. Шарахнулся, взмахнул крыльями, пухом, завозился за перегородкой поросенок.

После квартиры Кузьминой комната Анны Григорьевны кажется очень темной. В углу перед иконами дрожит огонек лампадки. На влажном стерженьке рукомоиника одна за другой набухают капли. Из хлева несет запахом навоза. Но старая женщина довольна своим жильем.

— Спасибо колхозу, очень уж он обо мне позаботился. Избу когда перенесли, Дмитрий Иванович наказал плотникам и ремонт сделать. Бревна плохие заменили, рамы вставили. Попросила я еще потолок глиной обмазать и сенцы утеплить. Утеплители приставь уж заводно, говорю, Дмитрий Иванович, и плитку к печи для стряпания. Видите, приставили. И землю под огород отвели хорошую, и сад теперь больше: вместо пяти яблонек — десять...

— Вы давно в Логовине живете? — спрашиваю я.

— Да с полвека будет, замуж сюда вышла. В артель нас с мужем покойным первыми Дмитрий Иванович принимал. Кем только я не работала: и дояркой, и свинаркой, и по льну! Никто обо мне худого слова сказать не может.

— Вот и хотел колхоз на старости лет спокойную жизнь вам устроить.

— А мне и здесь хорошо. Бог его знает, как в том новом доме жизнь обернется... Опять же в избе все хозяйство на глазах: и курочки, и боровак...

Да, Анна Григорьевна довольна всем: и отремонтированной избой, и новой плитой, и яблоньками. А мне почему-то обидно за старую крестьянку.

* * *

Дмитрий Иванович достает из стола лопку. В ней десятки листов, исписанных разными почерками.

— Заявления на квартиры, — говорит Дмитрий Иванович. — Не в этом, разумеется, доме — он уже заселен. Другой такой же мы скоро начнем строить.

— Интересно, думают ли соседние колхозы со временем тоже переселить крестьян в многоэтажные дома? — спрашиваю я.

Дмитрий Иванович не может сдержать улыбки.

— Со временем? От жизни вы малость поотстали. Не знаю, как в других областях, а в нашей Псковской уже шесть таких домов сданы в эксплуатацию. Побывайте в «Красном Октябре», «Коммунаре», «Красной Заре» — сами увидите... «Со временем!» Со временем мы не то отгрохаем. Вы с планом застройки нашей центральной усадьбы не знакомы? Тогда смотрите...

Председатель подводит меня к большому листу, висящему на стене рядом с грамотами, которыми неоднократно был

награжден колхоз на Выставке достижений народного хозяйства.

В прямых линиях, в пестрых квадратиках и кружках я улавливаю облик будущего села Логовино. Вот большое здание клуба с фронтоном. Оно уже возведено. Вот четырехэтажный дом, в котором я побывал. К нему, образуя большой поселок городского типа, примыкают на плане его собраты — один, второй, третий...

— В колхозе 24 деревни, — говорит Дмитрий Иванович, — некоторые из них всего-то с десятком изб насчитывают. Представляете, как трудно при таком положении организовать работу! А сколько других неудобств! В клуб или магазин иные колхозники за семь-восемь километров топают. Я уж не говорю о школьниках. Решили мы эту хуторскую систему похоронить. Всех переселим постепенно в Логовино: оно к восьмидесятому году совсем как город станет. Будут у нас здесь магазины, школы, просторная больница со стационаром, стадион, даже парк культуры и отдыха. Ну, столовую мы во втором доме разместим, недолго ждать. А ясли и детский сад уже действуют.

...В светлых комнатах нового дома растут малыши. Они увидят другое, новое Логовино, выросшее вместе с ними. Им суждено войти в коммунизм.

И. БОБРОВ

Порховский район,
Псковская область.

Фото А. ШАПИРО.

Много работы у почтальона Валентина Дмитриевича Федоровой. Волге дружески газеты и журналы получают жители нового дома.

РОДНАЯ

ЗЕМЛЯ

войска его, спасаясь от царского гнева, ушли в Турцию, стала родная земля для этих русских людей лишь мечтой. Поколения сменяли поколения, русские люди на чужбине пахали, сеяли, ловили рыбу, кормились трудами рук своих, а тоска по родине, неотвязчивая, как болезнь, жила в сердцах, передавалась от отца сыну, от матери — дочери.

Теперь потомки булавинцев — тысяча человек — снова дома. Расселились они по винодельческим совхозам Ставрополя.

Родина встретила их заботливо. Каждой семье выдали пособие на обустройство. Государство отпустило кредиты на строительство домов.

Но главное, чем наделила родина казаков, — это радостью возвращения, уверенностью в завтрашнем дне. Жизнь на дальней стороне была не пряник. Два с лишним столетия прошло, власти уже поменяли всем казакам русские фамилии на турецкие, а все же оставались они чужими. А чужаку от обиды как спастись?

— Старались все потише да пониже, — рассказывали казаки по приезде. — Все равно ведь в правых не бывать.

А здесь ходят весело, свободно. Про землю, где теперь живут, говорят:

— Наша земля.

Трактор по полю идет. Казаки смотрят на него внимательно. Потому что там, откуда они приехали, ни у кого из них трактора не было. И говорят:

— Наш трактор.

Мечтают. О разном. Один

За возвращение!

хочет купить мотоцикл и ружье — охотиться. Другой жениха для дочери выгладывает. А мальчишки — те больше об учебе думают. Учиться теперь надо по-настоящему.

Там, за рубежом, в последние годы можно было ходить в школу-пятилетку. Но преподавание шло на турецком. Русскому учились потихоньку, по старинным книгам. И все же приехав-

шие знают русский, пронесли его сквозь столетия и привезли сюда, как самую главную свою ценность. Язык этот старинный, не всегда сразу поймешь какой-нибудь оборот, но язык этот наш, русский. Языком этим, как ключом, открывают они новую для себя жизнь.

А. СЕРБИН

Фото А. УЗЛЯНА.

Люди стоят на земле. На родной земле.

Она лежит под ногами мягкой рыжей пахотой, клубится пылью на дальней дороге, где-то у горизонта зеленеет виноградниками.

Она кругом — родная земля.

Но люди видят ее впервые в жизни. Седоборды, и те знали о ней только по рассказам отцов, хотя отцы и сами ни разу не ступали по этой земле. С того далекого времени, как потерпело поражение казачье восстание Кондратия Булавина и остатки

Осваивают технику.

«А что такое пионерский галстук?»

РАЗДУМЬЯ НАШИХ ДРУЗЕЙ

Нелегкое дело, дорогие читательницы, задержать ваше внимание именно на этой странице журнала.

Еще две книги о деревне? Да мало ли их уже написано — и безраздельно завладевших читательским сердцем и таких, что ровно никаких воспоминаний по себе не оставили!

Однако есть у меня надежда, что многие из вас заинтересуются этими двумя книгами: «Деревенским дневником» Ефима Дороша и романом Владимира Фоменко «Память земли».

Вот что, например, сказал о «Деревенском дневнике» поэт Александр Твардовский: «Это очерковая книга, но, на мой взгляд, она читателю дает больше, чем многие толстые романы стандартного образца».

Редко кто так внимательно, как Дорош, прослеживал в течение долгого времени жизнь небольшого и ничем особенно не прославленного района и, что самое главное для писателя, — судьбы живущих там людей.

И какие чудесные характеры подлинных героев земледелия открываются при таком терпеливом наблюдении! Иван Федосеевич, как назвал Дорош в своей книге одного действительно живущего среди нас колхозного вожака, — это подлинное открытие писателя.

Для Ивана Федосеевича не существует соблазна числиться в передовых, если это «первенство» оборачивается экономическими невыгодами для людей, доверивших ему руководство их делами. Дороше всего для него то, что колхоз «самый богатый в районе постройками, машинами, скотом, и земля и скот здесь дают наибольший в наших местах доход, и больше всего продуктов государство получает именно отсюда, и колхозники зарабатывают здесь больше, чем в других колхозах».

Иван Федосеевич — один из тех, кто составляет поистине цвет колхозного крестьянства и, как Н. Г. Заграда, необычайно требовательно относится и к себе и к другим, бережливо охраняя достоинство земледельца.

«Своеобычность его, неуступчивость, — пишет об Иване Федосеевиче Дорош, — пренебрежение многими, по сути своей мещанскими, условиями есть не что иное, как преломившиеся в ярком крестьянском характере черты большевистской принципиальности, стойкости, самоотверженности». Писатель любит таких рачительных хозяев. Он непримирим к болтунам и очковитиралям, какие бы посты они еще по нашему недосмотру ни занимали, к тем, кто пренебрегает народным мнением и опытом.

Есть в книге Е. Дороша и покоряющая уважительность к трудовым навыкам и сноровке, которые веками складывались у русских крестьян.

«Деревенский дневник» по всем статьям — замечательная книга, написанная человеком, горячо любящим родную природу и язык народный.

Прямо-таки с нежностью рисует Дорош неяркие среднерусские пейзажи. А как радуется он каждому услышанному меткому, красочному словечку!

...А теперь перенесемся-ка мы с вами в хутор Кореновский — одно из стародавних поселений на берегу Дона.

И — прямо на веселую свадьбу, в праздничный гомон! Здесь мы и стариннейшие казацкие обряды увидим и в то же время сразу почувствуем, как глубоко вошли в быт совсем новые понятия.

— Бери, Люба, на мягку постель! — под общий хохот бросает дед Фрянсков невесте простыню. — Тебе с Василием неделимый хвонд!

Но не думайте, пожалуйста, что ростовский писатель Владимир Фоменко только и будет потешать вас такими прибаутками и поражать картиной разгульного пиришества.

Хутор Кореновский, где происходит действие романа «Память земли», — благодатное место! Весеннее половодье оставляет здесь не только речной запах, напоминая аромат разрезанного арбуза, но и плодородный ил.

Глубоки, сложно перевиты корни, соединяющие жителей колхоза со своей землей. Хитроумные перильца крылец, дерево во дворе, тропка на том берегу — все вызывает в памяти образы дедов, отцов, матерей.

И вот внезапно события принимают поистине драматический оборот: строится канал, соединяющий Волгу с Доном, создается гигантское водохранилище — Цимлянское море, и хутор Кореновский должен переселиться на новое место, чтобы не оказаться на «морском дне».

Хорошо налаженному, процветающему колхозу предстоит огромная ломка. Еще бы! Новый участок, пока не скажется полностью все благотворное влияние новорожденного моря, далеко уступает обжитому за века старому месту.

«За несколько дней жителей Кореновского словно подменили, — рассказывает автор. — Одни стали еще крепче, будто вчерашнее железо зазеленело сталью от белого огня и воды; другие смякли; третьи, как ненужную одежку, сбросили годами накопленную сознательность, искали случая поживиться в общей сутолоке. Точно в войну или в коллективизацию, люди душевно расслабились, выявили свою настоящую суть».

Да и те молодожены, чьему счастью радовались все собравшиеся на свадьбе, описанием которой начинается роман, вдруг обнаружили, что совсем по-разному смотрят на вещи: Василий — с удивительным для юноши ожесточенным чувством собственника, Люба — с молодой готовностью идти на встречу новому.

Мечты о будущем Кореновского всецело занимают председателя сельсовета Степана Конкина, под руководством которого «Совет стал действительно Советом, местом, где люди начали советоваться о своих государственных делах и проводить эти дела в жизнь». Но мечты не уводят его от сложностей сегодняшней жизни, он не забывает о том, как трудно каждому расставаться с родными местами. Потому-то Конкин и встает горой против тех, кто отмахивается от «психологических тонкостей». «Нужно, — говорит Конкин, — чтобы каждый понял: домохозяйке даже паршивенький, истонченный червем подоконник в ее хатенке — как воздух. Она родилась — подоконник был, и замуж выходила — был, и сыновей на фронт провожала — тоже был, а теперь его долой».

В том, что говорит Конкин и что все более и более усваивает сердцем новый на Дону человек, секретарь райкома Сергей Голиков, сказывается истинно ленинский такт руководителя, никогда не мнящего себя выше простых человеческих забот, горестей и радостей.

Читая о том, как председатель колхоза Настасья Щепеткова умно и терпеливо держит себя в разгар страстей и переисудов, понимаешь, что будущее — за такими руководителями, как Конкин, Голиков, Щепеткова, а не за такими, как председатель райисполкома Орлов или парторг колхоза Черненко. Орлов рассуждает так: добивайся главного, не обращая внимания на «частности», даже если эти «частности» — судьбы людей, их жизненные интересы. Для Черненковой основное — не думая, не рассуждая и не обсуждая, выполнить полученную инструкцию. И в погоне за этим они забывают, что главное-то как раз в том, чтобы нести людям счастье, думать о будущем.

Владимир Фоменко еще намерен вернуться к судьбе своих героев. «Конец первой книги», — читаем мы в конце повествования. Да и нам жаль было бы расстаться с жителями Кореновского, не узнав, как-то приживутся они на новом месте.

Оба произведения, и «Деревенский дневник» и «Память земли», дороги тем, что они плод долгих раздумий писателей, которых глубоко волнует судьба сегодняшней колхозной деревни.

А. ТУРКОВ

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

Рассказ

Ребята постучались ко мне, когда я уже затопил печку и укладывался спать. Комната кочевого совета, которую мне отводили, когда я появлялся в поселке, была на редкость холодной, и я на сон грядущий обычно затапливал печку, чтобы не очень замерзнуть под утро.

Столь поздний визит меня несколько удивил. Обычно к полуночи весь поселок уже спал.

Я налил чайник, поставил его на конфорку и пошел в магазин за конфетами. В глубинных тундровых поселках попасть в магазин можно в любое время суток. Стукнешь продавцу в окошко — он без звука выходит и открывает магазин. Продавцы знают, что зря его не потревожат, если стучат, значит, есть серьезные причины.

Продавщицу-долганку звали Панна. Это была бойкая молодая особа, к которой давно уже, но пока без успеха, «пристреливался» некий Федька, тоже долган, один из лучших охотников в колхозе. На мой стук вылез он из своего дома и с недоумением воззрился на меня. Я сказал как можно громче:

— Панна, ко мне гостевать пришли. Отсыпь-ка конфет.

Федька облегченно вздохнул и тоже подошел к магазину. Мы закурили. Скоро пришла Панна. Не торопясь, она стала отвешивать мне конфеты. Федька вертелся около прилавка. Ему очень хотелось говорить.

— Вот, Юрий Борисович, — не выдержал он, — сегодня ночью что-то будет.

— Со мной ночью ничего не случается, — ответил я, приняв это замечание на свой счет. — Ночью я сплю.

— Ну да, не случается, — возразил Федька, — а чего к вам нганасанские ребята пришли? Сегодня они, нганасаны, как с ума сошли все. Старухи по чумам бегают, девки на улице не показываются, парни ходят да молчат. Я спрашиваю Мару, своего дружка: «Что это происходит?» А он не отвечает. Потом покраснел и стал про Песцовое озеро толковать. «Ладно, — думаю себе, — не хочешь, не говори. Только сегодня что-то нганасанские старики затевают».

— Хватит болтать, — оборвала его Панна. — Он вам, Юрий Борисович, наговорит. — Загремев замком, она дала понять, что надо уходить.

...Картина, которую я увидел, возвратясь к себе, поразила меня. И парни и девушки были в смертных парках. Они снимали сокуи, верх-

нюю меховую одежду, и о чем-то оживленно разговаривали. В богато расшитых медными украшениями парках они казались взрослее.

— Фу, черт, — сообразил я, — ведь эти парки одевают и на собственную свадьбу. Однако действительно что-то происходит. Не собирались же все мои гости сегодня пережениться. И до смерти им далеко.

Мой приход прервал беседу ребят. Они только переглядывались и кивали друг другу на меня.

Я заварил чай и накрыл на стол. Принимать гостей в Заполярье всегда приятно. Их не приходится уговаривать поесть или выпить чашку чаю. Каждый выбирает, что ему по вкусу.

Когда все выпили по несколько стаканов и чайник вновь был налит, восемнадцатилетняя Анюптэ хихикнула и сказала:

— А что вы, Юрий Борисович, не спросите, почему мы к вам так поздно пришли?

Анюптэ, или как я ее звал, Аня, была самой бойкой девчонкой на стойбище. Она окончила в этом году девять классов и собиралась после десятого поступать в медицинский институт. Большинство парней, по моим наблюдениям, ходили у нее «под рукой».

— Гости никогда не приходят поздно, — ответил я.

— Мы не просто в гости пришли, — заговорил один из парней. — Мы решили сказать вам, что сегодня наш нганасанский праздник.

— Какой праздник?

— Аньо-дялы, — ответила Аня.

Аньо-дялы буквально означает «большой день». Название, видимо, можно толковать двояко. Это и «большой день» для людей и большой по продолжительности день. Ведь в июне самые длинные дни. Солнце вообще не заходит.

— Я хочу пойти с вами, ребята, — сказал я.

Они несколько замаялись.

— Лучше вы стариков попросите, — ответил наконец самый солидный из присутствующих Хяку. — Старики говорят, что никто из другого народа на Аньо-дялы еще не был. Они верят, что боги могут обидеться и послать беду. Глупость, конечно, но что делать? Лучше их спросите, а то и нам житья не будет, и на вас старики рассердятся.

— Ладно, — сказал я. — Пойду, поговорю с Саме. Он самый старший. Мне он, пожалуй, не откажет.

— К Саме не стоит ходить, — вмешалась молчаливая до сих пор девушка, имени которой я не знал. — Нужно идти к старухе Кула. Если она не станет спорить, никто из стариков и слова не скажет.

Гости мои поднялись, снова надели сокуи и один за другим вышли на улицу.

Идти к старухе Кула немного страшновато. Я бывал у нее в чуме несколько раз и чувствовал себя домовым извозчиком на дипломатическом приеме. Старуха держалась, как леди в родовом замке. Я уже как-то вызвал ее гнев: дважды обошел вокруг чума, чтобы посмотреть, как крепится к шестам покрытие. По нганасанским обычаям этого делать не следует. Нельзя людям загораживать дорогу, а тем более окружать их кольцом следов. Это правило невыблему. Раньше за его нарушение убивали.

В далекие времена нганасаны делились на два племени: вадеевских нганасан и авамских. И те и другие кочевали, охотились на диких оленей и перегоняли свои стада. Летом уходили на север, а зимой возвращались к границе леса, на юг.

Ягельники — олени пастбища — истощаются очень быстро. Не один

год требуется, чтобы мех снова вырос на тех местах, где олени паслись несколько дней. Поэтому летний маршрут не совпадает с зимним. Нельзя и возвращаться по старой дороге. Тому, кто гнал своих оленей по следу прошедшего стада, грозила голодная смерть. Маршруты иганасанских кочевий определял обычай. Пересекать след аргиша, забегать вперед запрещалось: ведь могло случиться, что этой дорогой люди из другого племени вздумают пойти обратно. Нельзя истощать на их пути ягельники, распугивать диких оленей и дичь. Поэтому иганасаны всегда договаривались о маршрутах. «Закрывать дорога» означала, что пришли чужие. Чужие мирно не приходили. Сейчас от тех далеких лет осталось одно правило: «Нельзя закрывать дорогу».

Старуха Кула простила мне мой грех, потому что я все же исправил ошибку и символически «открыл дорогу», пройдя по своим следам в обратном направлении. Но мне все-таки было немного не по себе, когда я шел к ней и думал о предстоящем разговоре.

Как вести себя? Просить — значит заранее рассчитывать на отказ. Требовать — слишком самонадеянно. Надо сделать факт возможного появления на празднике стариков естественным и неизбежным. Но как?

Я откинул нюк и вошел в чум старухи. Народу было немного: младшая сестра, племянник, шестидесятилетний Дейму и правнучка Анюптэ, ожидавшая моего прихода.

Старуха Кула и глаз на меня не подняла. Она пела что-то под нос, вплетая в волосы старинные серебряные цепочки. Только движением руки приказала Дейму, чтобы он дал мне место. Я молча протянул старухе пачку папирос и закурил сам. Раньше мы выкуривали с ней по подпалки за одну беседу. Теперь старуха не стала курить папиросу. Она разорвала гильзы и принялась набивать табак в трубку. Старинную трубку из мамонтовой кости. Таких трубок мне не приходилось видеть. Длинной сантиметров в тридцать, она завершалась очень маленькой чашечкой для табака изящной овальной формы.

— Иняку-старуха,— заговорил я,— у меня нет парки, чтобы на праздник идти. Дай мне парку, иняку.

У иганасан не полагается называть старших по имени. Кула подняла голову и забормотала что-то неясное.

— Дай мне парку,— еще раз попросил я.

Старый закон велит иганасанам делить все поровну. Если у твоего соседа нет еды, ты обязан дать ему столько нужно. Если нет одежды — поделиться. Только взаимная поддержка позволяла людям жить в суровых полярных условиях. Охота была успешной, если она велась сообща; оленей можно держать больше, если объединять стада; лишнего гуся загоняли в сети только всем стойбищем. Словом, обычаи и нравы определялись коллективным трудом и жизнью. Я надеялся, что Кула не

нарушит закон и даст мне парку. А это сделало бы мой приход на праздник само собою разумеющимся.

Старуха что-то сказала своей сестре. Та пошла к санкам, где хранились вещи семьи, и достала замечательно красивую парку. Правда, она была узковата мне в плечах и коротковата, но выбирать не приходилось.

— Нянту,— сказала старуха, называя меня сыном и глядя мою руку. Глаза ее наполнились слезами.

Потом мы с Аней перешагнули через огонь, куда старуха бросила несколько ключев собачьей шерсти, чтобы к нам не пристали злые духи, и вышли из чума.

— Расстроилась бабушка,— сказала Анюптэ,— сына вспомнила. Он давно утонул, когда еще мой отец был маленький. А она все забыть не может. Она вам его парку дала.

По дороге к нам присоединилась вся компания молодежи, и мы весело зашагали вдоль протока.

Озеро, где готовился праздник, лежало в глубокой ложине, поросшей редким лесом.

— Эх,— сказал один из парней,— опоздали! Успели-таки старики собаку угробить.

— Как угробить? — спросил я его.

— Да вера у наших стариков такая,— ответил парень.— Они в праздник жертву матерям природы приносят. По старой вере есть Мать Земли, Мать Солнца, Мать Луны, Мать Воды, Мать Леса и разные другие боги. Так вот, чтобы охота удавалась и рыбы много ловилось, они им что-нибудь свое дают, собаку, например.

— Так, наверно, самую паршивую собаку пожертвовали,— заметил кто-то.

— Конечно,— засмеялся парень,—

она все равно бы сохла. К тому же лишай у нее какой-то — могла других собак заразить. Хитрые старики! Обманули богов!

Озеро было покрыто чистым, прозрачным льдом. Ветер из ложины разметал снег и утрамбовал его на берегах, и мы шли по насту, как по асфальту.

В центре озера вокруг вбитого в лед хорея уже танцевали. В хороводе иганасаны держатся не за руки, а за курительные трубки. Притопывая, движутся люди по часовой стрелке, «как солнце ходит». Поют только мужчины, низкими голосами повторяя две ноты и всхрапывая, как олени. Кажется, ничего разудалого в этом танце и нет, но когда втянешься,— оторваться невозможно. Как-то Первого мая на гулянии в одном стойбище я доплясался до того, что потом еле ноги переставлял. К тому же из круга быстро уходило нельзя: надо, чтобы солнце, которому посвящен танец, вечно совершало свой путь...

— Ты пришел? — радостно встретил меня мой большой приятель Сэме, столетний старик.— Четома няга — четырежды хорошо! Смотри, какой праздник!..

И все же чувствовалось, что праздник по-настоящему еще не начался.

Наконец на дальнем конце озера появилась старуха Кула. К ней заковыляли другие старухи. Скоро все участники праздника образовали несколько групп: отдельно сидели старики, недалеко от них — старухи, девушки отошли от парней. Хоровод танцующих распался.

Девушки опустили на лица длинные меховые султаны, и различать их стало почти невозможно. Одежда у всех одинаковая, а лиц не видно. Парни неторопливо, строго, один за

другим подходили и отстраняли от лица каждой султан. Найдя «свою», брали за руку и отводили в сторону. Так образовались пары. Тут и началось самое главное. Юноши и девушки рассеялись длинной цепочкой. Старики, старухи и солидные женатые люди окружили их тесной толпой. Одна девушка, оставшаяся без пары, пошла вдоль цепочки.

— Сделаешь ли ты нарты, лук, люльку для ребенка? — обращалась она к парням.

— Сошьешь ли ты парку, шапку, обувь, нюки для чума? — спрашивали у девушек.

Окружающие комментировали каждый ответ, высмеивая неумелых. Впрочем, только одна девушка призналась, что плохо шьет парки.

— Однако совсем хорошие девки и парни, — пританцовывая от удовольствия, сказал мне Сэме. — Теперь это игра только. Раньше-то не девка, а самая старая старуха всех спрашивала. Нганасанский-то закон такой: как только парень дикого оленя убьет, значит, настоящий охотник стал. Охотник-то охотник, а жениться еще не может. Должен сам научиться делать лук, санки, люльку. Однако теперь лук-то им ни к чему. Только слова старые огаились. А вот помню, я-то парнем еще был. Первый раз в Аньо-дялы со своей старухой сел рядом. Старуха-то давно умерла. У меня потом еще старуха была. Сел-то я сел, а меня спрашивают: «Умеешь делать санки, лук, люльку?» «У-га, — отвечаю я, — все умею». Один старик был тогда, однако, совсем старый. Засмеялся он, говорит: «Мы с этим парнем диких оленей гоняли, так он пять раз санки чинил». Все смеяться стали. Так мне стыдно стало, хотел в тундру, в другое стойбище уходить. Однако потом маленько думать стал. Думал-то, куда от своих людей уйду. Стал другим людям санки делать, свои все переделал. Потом тот старик говорит как-то: «Парень, однако, совсем мастер стал. Его ребята беды не увидят».

Пусть старый обряд стал простой игрой, но значимость его осталась прежней. Обычай мудр. Мало быть хорошим охотником, нужно быть и хорошим отцом. Нганасанские юноши и девушки воспринимали этот ритуал отцов шутя: видно, наше поколение не может ни к чему относиться без юмора.

Когда игра кончилась, ребята разбежались по всему озеру. Я пострелял с парнями из лука в оленью шкуру, поборолся с несколькими мужчинами и пошел смотреть, как девушки узнают характер своих поклонников. Девушки стайкой облепили один холмик, и Аньо-тэ стала звать парней.

— Идите к нам, — кричала она, — мы дадим вам много-много баса — серебряных украшений.

Парни, посмеиваясь, шли по очереди. Как только парень заходил в круг сидящих девушек, они набрасывались на него, старались с него что-нибудь снять и спрятать. Если он отбивался, то старики говорили, что

он сильный и смелый, если сердился — злой, если отыскивал спрятанную вещь — наблюдательный и умелый следопыт. Около играющих не умолкал хохот.

Тихонько побрел я к месту, где сидела старуха Кула. Ее окружали пожилые женщины и такие же, как она, старухи. Рядом с ней я увидел Аньо-тэ. Девушка совсем утихомирилась, и было не похоже, что это она только что вместе с подружками колотила парней и, смеясь, обещала каждому, украшенному сняжками, вылечить его, когда станет доктором. Глаза Ани смотрели куда-то вдаль, руки бессильно лежали на коленях. Старуха Кула пела, раскачиваясь, чуть не падая лицом в снег. По запавшим щекам катились слезы.

— Я мать всех людей, — пела старуха, — здесь нет чужих мне. Теперь я старая совсем, не могу больше родить. И нет давно моего мужа. Когда он жив был, то я видела солнце и ночью. Снег мне казался горячим. Сладко родить детей. Ничего нет лучше, чем родить детей. Будет много детей у моих детей, не умрет наш род, будут жить на земле нганасаны.

Старуха долго еще тянула эту песню. Я смотрел и не узнавал гордую Кула и ее правнучку, будущего доктора Аньо-тэ.

Мы не чувствуем так глубоко ответственности за продолжение своего рода. Нас много. Будут ли у меня дети или не будет их, мой народ останется жить. А те, у кого в роду не более тысячи человек, не могут не думать об этом. Это понимает сохраняющая и воспевая древние обычаи старуха и девушка, знающая, что такое кибернетика и нейрохирургия. Нганасаны должны жить, и молодые отвечают за это.

Рисунки Д. ПЯТКИНА.

Из задумчивости меня вывел парнишка.

— Юрий Борисович, — тронул он меня за рукав, — пойдете к ребятам. А то там все спорят. Яку слышал, будто какой-то ученый из искусственных клеток животное сделал, а ему не верят. Правда, ученый такой есть?

В поселок мы возвращались все вместе. Мы разговаривали о космосе и летающих тарелках. Девушки пели, переведя на нганасанский язык: «О, Марианна, сладко спишь ты, Марианна!»

МЕДВЕДЬ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Если поблизости от этого села и водились когда-нибудь медведи, то было это очень и очень давно. Лес уже успел отодвинуться к самому горизонту, а из Новгорода в село Медведь ходит нарядный, новенький автобус с голубыми креслами.

Клуб, где работает Медведский народный театр,— напротив автобусной остановки: не очень то красивый, но добротный двухэтажный дом. «Наверное, самый старый в селе?» — спрашиваю я у женщины, задержавшейся возле автобуса с тяжелой сумкой. Вопрос этот задан для формы: ведь еще в Москве я узнала, сколько лет находится в этом доме театр. Подумать только: сельский драматический коллектив четыре года назад отпраздновал свое шестидесятилетие! Женщина в сером платке отвечает не сразу: «Да как вам сказать... И старый это дом и новый. Видите,— показывает она на полуразрушенный, обгорелый остов церкви,— после войны наш клуб был таким же — ни крыши, ни пола. До церкви-то никому дела не было, а за клуб сразу взялись, отстраивали сами зимой, в мороз». Женщина заворачивает за угол, и я забываю спросить ее, не участвовала ли она сама в восстановлении театра...

Зимой, в мороз... Мое представление о сельских спектаклях всегда было связано с долгими, зимними вечерами, когда все

дела переделаны, когда в теплом доме уютно и скучно. Самое время отправиться в клуб на репетицию, особенно если пьесу выбрали интересную и вам досталась в ней хорошая роль! Наверное, многие из первых артистов медведского драматического коллектива именно так и относились к своему участию в нем. Это подтверждают местные знатоки его истории, в частности Иван Ефимович Братышченко.

Иван Ефимович, энтузиаст краеведения и сам бывший театральным деятелем, не был, правда, свидетелем первых шагов театра: они относятся к 1898 году. Тогда в Медведе местное купечество построило каменное двухэтажное здание для добровольной пожарной дружины. Второй этаж отведен был любителям сцены. Разумеется, полноправными любителями признавались только те, на чьи средства строилось здание. Медведский библиотекарь Нина Николаевна Ильина, одна из самых известных участниц здешней самодеятельности, показывает мне рукописную программу концерта — она сохранилась от тех времен. Тут и декламация и сценки, но преобладают в программе душещипательные романы в исполнении купеческих дочек...

Однако нашлись среди основателей театра и руководители труппы люди, которые не могли не заметить, сколько талант-

ливых людей живет в Медведе и окрестных деревнях. Сельский учитель Калякин, торговец Коган, страховой агент Галактионов начали привлекать к участию в постановках одаренных певцов и плясунов из крестьян. В первом серьезном спектакле медведцев — пьесе Островского «Бедность не порок» — с большим успехом сыграла крестьянская девушка Евдокия Силина.

Настоящая творческая жизнь началась в медведском клубе только после революции.

Работой медведцев заинтересовались в Ленинграде, в Доме деревенского театра. В зале, доступном раньше лишь привилегированным «любителям», инструктор Дома читал крестьянам и новой сельской интеллигенции лекции о драматическом искусстве. Под его руководством ставили «Сказ об Октябре» к десятилетней годовщине революции. Зачастую театральные представления из стен клуба выливались на улицы, так было, например, и с торжественными «Похоронами сохи» — хоронили соху и актеры и зрители...

История этого драматического коллектива, конечно, очень интересна, и именно поэтому мне не терпелось посмотреть спектакли и репетиции сегодняшней труппы Медведского народного театра.

Мы сидим с Валентиной Петровной Фоминой, руководителем коллектива, в маленькой комнатке по соседству со сценой и ждем участников репетиции. После летнего перерыва здесь возобновляется спектакль «Ради своих ближних» — пьеса новосибирского драматурга Лаврентьева. Я уже знаю, что любимым автором медведских артистов всегда был Островский. Многие жители Медведя до сих пор помнят спектакли «Воспитанницу», «Ведную невесту», «На бойком месте». А вот пьес из современ-

ной колхозной жизни ставили мало, если ставили, то обязательно комедии... Театр впервые взялся за такую острую, проблемную пьесу; она направлена против показухи, очковтирательства, против «скорей, жми, давай», за разумное ведение хозяйства. Уже после первого спектакля стало понятно — выбор правильный: успех превзошел все ожидания. Более десяти выездов в сельские клубы! В совхоз «Выбити», в Дретинскую РТС, в Солецкий район — и все за один месяц.

...Степенно собираются на репетицию старейшие артисты — учительница

Умение гримироваться — тоже искусство.

Е. Г. Еремина, бухгалтер Д. Т. Паладичев, К. М. Матвеева. Дружной стайкой прибегает молодежь — учителя и воспитатели местной школы-интерната.

«Соскучились без репетиций!» — говорит за всех Тамара Савина, худенькая, порывистая девушка. Нет, соскучились вовсе не потому, что им скучно — намек на долгие, зимние вечера здесь неуместен. У Тамары совсем немного времени на любимое занятие. Она воспитатель во втором классе, и забот у нее, как говорится, полон рот. Соскучились потому, что любят искусство и даже не мыслят свою жизнь без него.

Тамаре поручена в пьесе одна из наиболее

Лиде Ветвиной пришлось по душе ее героиня — человек озорной и мечтательный.

сложных ролей — завещанной фермой Даши.

Молодой учительнице хватило непосредственности и чувства, чтобы пережить драму своей героини, заплакать на сцене настоящими слезами. Однако не все удалось ей сразу. Так, в споре с заместителем председателя облисполкома Стмаховым Тамаре — Даше не доставало наступательности, смелости. Долгие часы работы не пропали даром, и теперь Тамара отстаивает Дашину точку зрения как свою собственную.

Увидела я в тот вечер и Клавдию Максимовну Матвееву в роли Дашиной свекрови Ульяны Игнатовны. Еще накануне я слышала отзывы об этой роли: «Скромная у нас Клавдия Максимовна, а какая едкая свекруха получилась!»

Жизнь у этой женщины сложилась нелегко, как и у большинства ее односельчанок: война, двое детей, выросших без отца, болезнь, маленькая зарплата клубного кассира. Казалось бы, до театра ли тут! Да, до театра. «Нет, вовсе это не с горя и не от скуки, не для того, чтобы забыться», — говорит Матвеева, — я люблю театр!» Однажды Клавдия Максимовна, человек хоть и скромный, но откровенный до резкости, поспорила о чем-то с режиссером, в запальчивости отказалась от роли. «Господи, как я тогда переживала! — вспоминает Матвеева. — Целый вечер ходила под окнами клуба, все думала: как это я буду без театра, без репетиций? Дел-то дома куча, а пустота какая-то в жизни...» Любит Клавдия Максимовна, по ее словам, «покопаться в роли», и в этом я убедилась после репетиции. На мой вопрос, довольна ли она своей свекрухой, Матвеева ответила: «Нет, понимаете, только во время нашей премьеры увидела я, как мало правды в моей игре. Зачем этот крик, злость? Конечно, героиня моя не ангел, но ведь она мать и любит своих детей. Даже сердясь на них, любит. Я сама мать... Теперь стараюсь играть Ульяну Игнатовну иначе, но трудно бывает отказать от привычной интонации, сегодня опять не смогла».

Как и всякий театр, Медведский театр стре-

Для нескольких поколений медведцев Е. Г. Еремина была и любимой учительницей и любимой актрисой.

мится, чтобы у него было как можно больше зрителей. «Мы существуем не ради премьеры в самом Медведе, — слышала я от многих. — Поездки по колхозам и совхозам — это, пожалуй, главная часть нашей работы».

И я снова вспоминаю разговор у автобусной остановки: «...зимой, в мороз...» В мороз и в бурю — вот так пришлось однажды добираться артистам до колхоза «Строитель», где был объявлен спектакль «Барabanщица». Выезд совсем было собирались отменить, но никому из участников не пришло в голову остаться дома. Подороги ехали, подороги тащили «тягач» с декорациями на себе. Тащили и думали, что зря: не придут зрители. Но зал оказался полон. Это было, как награда.

«Что бы ни поставить, как бы ни поставить — все сойдет. Ведь у нас деревня!» — так говорят только случайные в коллективе люди. Здесь очень ценят каждое указание Николая Ивановича Пестова, актера Новгородского театра драмы, — он уже не первый год шефствует над медведцами. Когда приезжает Пестов, репетиции затягиваются допоздна — и для учителя и для учеников характерно чувство ответственности перед зрителем.

Специально изучать вкусы зрителей здесь не приходится: мнения их тут же доводятся до сведения артистов. Самые разные мнения... Одна пожилая чета колхозников, например, ушла во время действия со спектакля «Сто миллионов»: «Очень уж хорошенький предатель, жалко его! Предатель должен быть уродом!» Другие придирились в мелочах: мимо них не пройдет незамеченным то, что артистка, исполняющая роль доярки, вышла на сцену в узкой юбке. Третьи обсуждают спектакли, как знатоки. Конечно, и у Анны Васильевны Ивановой из колхоза «Красное знамя» есть свои замечания к отдельным спектаклям и исполнителям. Но она го-

ворит, что не это главное. Главное, что каждый спектакль для нее и для ее подруг — радость, они чувствуют себя не обиденными искусством, чувствуют, что оно рядом, а не только в больших далеких городах.

Заседают медведские артисты даже в самые маленькие сельские клубы — такие, где полноценные спектакли ставить просто негде. Сюда привозят одноактные пьесы,

концертные программы. «А вы спросите у наших участников, смогут ли и они жить без театра, без поездок по колхозам, без агитбригады?» — советует мне руководитель коллектива. Я не следую совету. Встречи в Медведе и окрестных деревнях убедили меня, что искусством тут занимаются не от скуки — от любви к искусству, от любви к людям.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

Фото А. ШАПИРО.

Сейчас В. А. Холмогоров репетирует декорации, а вечером его можно увидеть на сцене.

ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

— Горько! — кричат гости на свадьбе. Молодые смущенно целуются. А крутом звенят бокалы, звучат тосты. Седой мужчина, родственник жениха, степенно говорит:

— Я, Сашок, не за тебя сперва хочу выпить, а за твою молодую супругу. Спасибо тебе, дорогая Машенька, за то, что не посрамила своей девичьей фамилии и, можно сказать, прославилась ее на всю округу. Не посрами и фамилию мужа! Он ведь тоже у всех на виду — лучший механизатор совхоза.

Слушает невеста поздравления друзей, розовеет от смущения. Что ж, ей действительно есть чем гордиться.

...Двадцатилетней выпускницей Брянского сельхозтехникума приехала Маша в 1959 году в незнакомый, казавшийся чужим и суровым уральский край. Ее направили на работу в совхоз «Колчеданский».

Директор посмотрел на худенькую, робкую девушку и сказал:

— Хотя вы и агроном, но большую работу вам пока мы доверить не можем. Поработайте звеньевой овощеводов, покажите себя.

Трудно пришлось девушке на первых порах. Высокие урожаи овощей на Урале — редкость: овощи требуют много тепла и влаги, а погода здесь не балует земледельцев. И все же звено Маши в первый же год сумело получить неплохой урожай. На следующий год ди-

рекция решила поставить ее во главе бригады.

— Я согласна, — сказала Маша. — Только закрепите за бригадой технику, чтобы не бегала я за механизаторами, не уговаривала их, а сама посылала туда, где нужнее.

— Вот ты какая! — улыбнулся директор. — Ну, ладно, действуй.

И потянулись напряженные трудовые дни: вывозка удобрений, подготовка рассады, посадка, прореживание. Случалось, пожилые работницы говорили Маше:

— Мы на своих огородах весь век овощи сажаем, и ничего, растут без удобрений!

— А сколько, к примеру, собираете лука? — интересовалась Маша.

— По пуду-полтора с сотки.

— Мало. Можно получить вдвое, втрое больше!

Слов бригадир на ветер не бросала — делом убеждала людей. Вскоре у нее подобрались отличные помощники — Агния Егоровна Подкина, Александра Дмитриевна Бурлева, Елизавета Гавриловна Ведерникова.

Раньше в совхозе выращивали капусту нескольких сортов и урожаи собирали невысокие. Маша решила основную ставку сделать на «белорусскую» и «московскую». Изменила и схему посадки. Увеличила междурядья. На полях появились кукурузные кулисы. Они защищали огурцы от ветров, помогали задерживать влагу в почве. Перед посевом семени, предназначенные для открытого грунта, Маша предлужила закалять. Поэтому огурцы стали созревать раньше обычного.

Эти и другие нововведения позволили бригаде Маши Савлуковской уже в 1961 году собрать небывалый для совхоза урожай: с каждого гектара было снято по 549 центнеров капусты, 161 центнеру огурцов, 89 центнеров помидоров. За эти успехи бригада была утверждена участником Выставки достижений народного хозяйства СССР, а ее передовые работницы награждены медалями и ценными подарками.

Награды всодушевили овощеводов. В 1962 году они решили взять новый, более высокий рубеж. И взяли. Лето стояло холодное, дождливое, и все-таки бригада Савлуков-

ской сумела вырастить свыше 4 тысяч тонн овощей! Особенно хорошо уродилась капуста «московская» — по 113 центнеров с гектара. Есть кочан весом до 20 килограммов! Такого на Урале еще не видывали.

...Шумит свадебное веселье.

Завтра Маша снова пойдет на работу в бригаду. Правда, ее теперь уже не будут называть Савлуковской. Она теперь Пермякова.

Новых успехов тебе, Маша Пермякова!

И. ПОТОЦКИЙ

Покровский район,
Свердловская область.

БЕСПОКОЙНАЯ СТАРОСТЬ

В село Шушикенд мы приехали из Баку как шефы. Решили помочь колхозникам оборудовать слесарную мастерскую, механизировать животноводческие фермы.

В правлении колхоза никого не было. Но возле него стояла, опираясь на палку, старушка лет восьмидесяти.

— Гостям мы всегда рады, а таким, как вы, — особенно, — приветливо сказала она, подходя к нам.

Мы разговорились. Ашкен Андреевна — так звали нашу новую знакомую — охотно рассказала о хозяйстве колхоза.

Помню, меня тогда удивила и осведомленность старой женщины и ее заинтересованность в колхозных делах. Удивил и значок дружинника, прикрепленный на груди.

Но когда я пробыл в селе несколько дней и поговорил со многими людьми, мне стало ясно, что Ашкен Андреевна Джалавян и не могла быть иной.

Я узнал, что она была первой женщиной — депутатом сельсовета в Степанакертском районе Нагорного Карабаха.

Впервые ее избрали на эту почетную должность в 1924 году. Сейчас Ашкен Андреевна — персональный пенсионер, но по-прежнему всю душу вкладывает она в свою работу.

Вот, к примеру, несколько ее недавних депутатских дел. ...Правление колхоза радиофицировало часть села. Но наверх, в горы, радио не провели из-за того, что там сложнее ставить столбы, да и живет в том краю меньше колхозников.

Тогда жители верхней части села обратились к своему депутату. На одном из заседаний сельсовета Ашкен Андреевна настоятельно потребовала прислушаться к просьбе колхозников. Не прошло и месяца, как радиоточка была проложена.

...Трудно спускаться за водой к речке по горным извилистым тропинкам. Некоторым приходилось идти 500—600 и даже больше метров.

Нелегко было Ашкен Андреевне добиться прокладки водопровода. Но все-таки с помощью районного Совета депутатов трудящихся она сумела уладить этот вопрос. Теперь вода сама «приходит» к домам колхозников.

...Редко демонстрировались кинокартины в колхозном клубе. А в дни сева или уборки многие колхозники совсем не могли посмотреть кино: поздно приезжали с полей.

— А что, если устраивать киносеансы ежедневно? — обратился бригадир комплексной бригады Николай Яромиян к колхозному киномеханику.

— Я не возражаю, — ответил киномеханик, — но райцентр не дает так часто фильмы.

Слух об этом дошел до Ашкен Андреевны. Она съездила в областной центр Степанакерт и вскоре возвратилась в село с разрешением. Теперь фильмы показывают в клубе ежедневно.

Могут сказать: Ашкен Андреевна Джалавян, мол, депутат сельсовета, и забота о людях, о колхозе — ее долг. Это, конечно, правильно, но шушикендцы потому и избирают Ашкен Андреевну своим депутатом четырнадцатый раз подряд, что она и умеет и любит заботиться о людях.

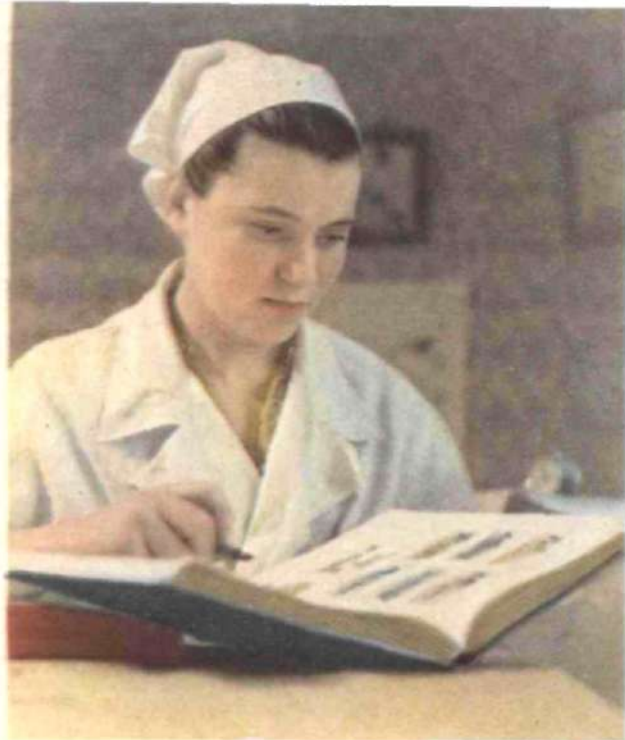
Ю. КОНОПКИН

Степанакертский район,
Нагорно-Карабахская автономная область,
Азербайджанская ССР.

РУССКАЯ ЗИМА.

К. ЮОН.

Кулинарная книга — верный советчик Вали Ильиной.

Машина остановилась как раз напротив нового дома, на фасаде которого была вывеска «Столовая». Легкое шлакоблочное строение с плоской крышей и большими окнами выделялось среди обычных деревенских домов.

— А, Ильина! Добро пожаловать! — засуетился заведующий столовой, когда Валя вошла в кухню. — Знакомьтесь, девушки, — наш новый повар.

Исходила жаром большая, в полкухи, печь. Капала вода с перевернутых тарелок. Из зала доносился ровный гул: было время обеда.

Валя поставила на пол чемодан, сняла с гвоздя передник и встала на раздачу. А после работы собрала девушек.

— Посмотрела я сегодняшнее меню. На завтрак — рагу, на обед — рагу и на ужин — рагу. Сегодня рагу, завтра рагу и послезавтра рагу! — Валя разложила перед девушками листки ме-

ню. — Так можно на всю жизнь аппетит отбить. Компот из сухофруктов. А кому охота сухофруктами питаться, если ягоды поспели?

Три пары настороженных глаз глядели на Валию.

— А где их возьмешь, ягоды? — недоверчиво протянул кто-то.

— Пока ягоды и покупать можно. А там сами при столовой и огород и сад фруктовый заведем, — ответила Валя.

Так началась трудовая жизнь Вали Ильиной. Поначалу не все шло гладко. Ведь и Валя и колхозная столовая были одинаково молоды. Столовая два месяца назад впервые открыла свои двери посетителям. Валя два месяца назад окончила курсы кулинарии. Как легко было проходить практику в городской столовой! Рядом опытные повара, готовые прийти на помощь. А здесь один советчик — лухлая поварская книга. Вот и листала ее Валя да

Приготовленные поварихой закуски поступают в буфет к Людмиле Пузыревской.

ЗАБОТА

Здание колхозной столовой просторное и светлое.

жаловалась на свои неудачи квартирной хозяйке тете Маше:

— Не уважают меня девушки. Заведующий по отчеству зовет, а они — Валькой. Попрошу за водой сходить, отвечают: сама иди, не барыня! А делать-то, теть Маша, ничего не умеют. Мясо рядом с рыбой кладут. Где же это видано!

— А ты, может, не так повела себя, — подсказывала теть Маша. — С людьми надо деликатно. Ты, небось, приехала да раскомандовалась. А будешь их уважать, и они тебя будут. Уважать же тебя есть за что: народ-то так и повалил в столовую.

И действительно, добрым словом отзывались колхозники о своей столовой. За 80 копеек здесь можно получить трехразовое питание. А хочешь — обедай в кредит. Кто на дом обеда берет, а иные всей семьей приходят.

Каждому найдется здесь блюдо по вкусу. Нароботался здорово — ешь густой, наваристый борщ да сочное мясо. А кому пришло время на печи сидеть, тот и от молочной лапши да рыбы с картофельным пюре не откажется. Недаром по рыбным блюдам Валя всегда на «отлично» шла.

— Раньше я, как белка в колесе, вертелась, — говорит доярка Галя Мартыненко. — Прибежишь с фермы, вздремнуть бы часок до дойки, да где там: и обед сварить надо и скотину накормить. А теперь иду в столовую: здесь тебя и накормят и напоят. И посуду за собой мыть не надо. А

В столовой можно пообедать всей семьей.

корову я в колхоз сдала. Зачем она мне теперь?

Каждый день в пять утра снимает Валя замок с дверей столовой, чистит картошку, привинчивает к столу мясорубку, шинкует сочную, хрустящую капусту. А в горячую пору обеда по-

могает девушкам на раздаче.

Иногда Валя отрывается от работы и поглядывает в окно. По дороге бегут грузовики, у крыльца правления толпится народ. До поздна не затихает жизнь. Еще недавно она была Вале

Доярка Галина Мартыненко рассчитывается в столовой за обеда раз в месяц.

чужой. И люди эти были чужими. А теперь Валя то и дело узнает «своих», тех, кого она кормит. Как хорошо, что она приехала сюда!

...Еще когда со старшим поваром городской столовой, где она проходила практику, Вале послали в колхоз имени Радищева помочь наладить работу в колхозной столовой, она решила остаться здесь навсегда.

И вот она стоит перед директором школы кулинарии. А тот, постукивая карандашом по столу, размеренно говорит:

— Я, конечно, рад приветствовать твой порыв. Но отпустить не имею права. Мы готовили поваров для селпо.

Так и осталась бы Валя в райцентре, если бы однажды не столкнулась на улице с председателем колхоза.

— Что, струсила? — Он посмотрел на Вале не то насмешливо, не то презрительно. В ответ на сбивчивый рассказ девушки неожиданно предложил: — Хочешь, я тебя украду?

И вправду украл: посадил в машину и увез. А с директором потом договорился.

Шли мы с Валею Ильиной по улице. И вдруг хлынул дождь.

— Бежим! — Вале схватила меня за руку.

И вот, запыхавшись, мы влетели в незаконченный дом. Под ногами — трава. А над головой — гладко обструганные доски потолка.

— Скоро и мне такой дом поставят, председатель обещал, — сказала Валея, поглаживая рукой смольные, густо пахнущие бревна.

Я смотрю на Валею и думаю: вот и нашла она свое место в жизни.

Л. РУМАРЧУК

Фото С. КАРАСЕВА.

Колхоз имени Радищева, Гжатский район, Смоленская область.

А. АНИСИМОВА

У Наташи первая получка. В короткий перерыв она успевает забежать в магазин, потом домой, дома на ходу проглатывает молоко с булкой (самая любимая Наташина еда) — и бегом обратно на ферму.

Возвращается с работы мать Наташи, Валентина Ивановна. Она входит в горницу и, забыв раздеться, в плаще стоит возле стола, разводит руками, радостным голосом повторяет:

— Ах, Наташка! Ну и Наташка!

Не в силах сдержаться, она выбегает и зовет соседку:

— Маруся, посмотри, что моя Наташка учудила!

У соседей обед. Сын Марии Федоровны, Борис, только что вернулся из мастерской. Он механик.

— Борис, иди и ты посмотри, — зовет его Валентина Ивановна.

Борис и Мария Федоровна с порога заглядывают в горницу. На столе красуется коробка шоколадных конфет, лежат с десятком яблок и деньги — остаток получки в сумме 16 рублей 13 копеек.

— Ишь ты, торжество какое! — замечает Мария Федоровна.

А Борис добавляет, имея в виду Наташу:

— Да, что-то в ней есть такое...

Он не договаривает, Валентина Ивановна перебивает его:

— Есть, есть. В ней много хорошего...

Конечно, Валентине Ивановне, как и каждой матери, свойственно восхищаться дочерью. Но и я присоединяюсь к ее мнению.

Я знаю Наташу давно. С тех пор, как она, торжественно задрав курносый носик, шагала с портфелем в руках в первый класс. Валентина Ивановна иногда, придя с работы, не могла попасть к себе домой. По очень простой причине: Наташа приводила в порядок дом. Она запирала дверь, что-то передвигала, слышался плеск воды и писклявый голосок: Наташа очень любила петь.

Валентина Ивановна несколько раз дергала дверь, просила Наташу открыть ей, но Наташа была неумолима:

— Мамочка, потерпи! Ты только будешь мешать мне!

Смеялись соседки, но Валентина Ивановна, голодная и усталая, терпеливо ждала. Вскоре дверь дома распахивалась, торжествующая восьмилетняя Наташа приглашала мать войти. Мокрые, грязноватые полосы бороздили пол. Наташа вглядывалась матери в лицо и с тревогой спрашивала:

— Что, плохо? Да, мам, плохо!

— Нет, не плохо, — говорила Валентина Ивановна. — Молодец. Чисто вымыла. А что сыро немножко — так ведь у тебя руки маленькие, они еще не могут выжимать тряпку как следует. Но это ничего, вырастешь, станешь сильной — и с этим будешь справляться.

Вечером, уложив спать Наташу, Валентина Ивановна заново перемыла пол, причем не старалась сделать это очень тщательно, чтобы не вызвать подозрений у дочери.

Постепенно Валентина Ивановна приучила Наташу готовить, стирать, без напоминаний ходить в магазин за покупками.

— Не жалейшь ты дочку, — говорили соседки.

И Валентину Ивановну иногда мучили сомнения, но менять заведенный порядок не хотелось.

Шли годы. Выросла Наташа, стала сероглазой девушкой с черными бровями, чуть вздернутым носом и длинной русой косой. Она любила ходить в кино и на танцы, но, кроме этого, много читала, увлекалась музыкой, старалась не пропускать интересных концертов по радио. В школе она училась хоро-

шо, товарищи уважали ее. По-прежнему, придя из школы, она переодевалась в домашнее платье, заматывала косу в тугой узел и, напевая, наводила порядок в доме. Готовила. Она не раз удивляла мать вкусными, с любовью сделанными обедами, и Валентина Ивановна признавалась соседкам:

— Наташа стряпает лучше меня.

Дел у Наташи все прибавлялось. Она вступила в школьную производственную бригаду, играла в волейбол, были у нее и комсомольские обязанности. И во все свои дела Наташа вкладывала душу.

Наташа окончила девятый класс и на другой же день заявила матери:

— Я решила идти учиться в зооветеринарный техникум на заочное отделение. Хочу работать. Хотя немножко да буду денег получать. Все тебе поддержка.

— Куда же ты пойдешь работать? — спросила Валентина Ивановна.

— А мне все интересно, — ответила Наташа. — Ведь я еще никакого дела толком не знаю. Пойду на ферму. Там меня научат.

— Ну, что ж, — сказала Валентина Ивановна, подумав. — Только прежде сдай экзамены в техникум.

Наташа поступила в техникум. Приняли ее и на ферму — телятницей. А тут как-то был ремонт в доме, и осталось неиспользованным толстое бревно.

— Наташа, — сказала Валентина Ивановна, — давай-ка сделаем в саду скамеечку.

— Только я сама буду делать, — обрадовалась Наташа.

— Пожалуйста.

Наташа взяла пилу, размерила чурбачки и начала пилить. Возилась-возилась, несколько раз останавливалась: все-таки неудобно пилить ножовкой бревно, Валентина Ивановна видела в окошко Наташины «терзания», но вмешиваться, предлагать свои услуги не стала. А Наташа не захотела позвать на помощь.

Отпилила чурбачки, выкопала в саду две ямы, установила там чурбачки, утоптала землю вокруг них, положила на чурбачки доску, прибила ее гвоздями — все сделала сама. Сидит на скамеечке, смотрит весело на Валентину Ивановну.

Радоваться бы Валентине Ивановне, а она вдруг загрустила: вот если бы Сережка эту скамеечку смастерил! Хотя что-нибудь в жизни сделал бы своими руками!

В войну у Валентины Ивановны погиб муж, осталась она одна с двумя детьми. Сердобольные родители пожалели молодую вдову, взяли у нее маленького Сережу сначала «погостить», потом — «пусть поживет еще немножко», а потом — «оставь уж его нам, мы старые, он нам помощником будет». Так и остался Сережа у бабушки.

Бабушка всю жизнь просидела дома, не работала. Ухаживать за внуком для нее удовольствие. «Подожди, Сереженька, я тебе воротничок к форме пришью, пальтишко застегну. Делай уроки, Сереженька, я сама в магазин сбегая. Что ты, Сереженька, брось молоток, палец зашибешь, разве можно?! Ладно уж, поставь щетку на место, некогда мне тебя дожидаться, сама-то быстрее подмету...»

Вырос Сережа. Живет, не утруждая себя. Не хочет учиться, не хочет работать.

Когда Сережа приезжает к матери, он устало снимает с себя пиджак, ботинки, валится на диван и просит:

— Покормите меня. Я голоден.

Житель райцентра, на Наташу он смотрит свысока, называет ее «провинцией», разговаривает с ней пренебрежительно. Валентина Ивановна и Наташа каждый раз спорят с Сережей.

— Если не хочешь учиться, — говорит ему Валентина Ивановна, — иди работать.

— А куда? — спрашивает без особого интереса Сережа. — Откуда я знаю, к чему у меня призвание? Я еще не нашел себя.

А если мать замечает ему: «Бари пример с сестры», — он возмущается:

— Эх, ничего вы не понимаете! Вот ругаете меня, а можете, я будущий великий человек!..

— Ты бы раз в жизни своими руками хоть что-нибудь сделал! — вздыхает Валентина Ивановна.

И в который раз начинает казнить себя за то, что «проглядела» сына, пропустила время, когда нужно было вмешаться в бабушкино воспитание или вовсе забрать Сережу к себе.

«Белоручка, человек, привыкший жить иждивенцем, на хлебником, — как пойдет он по жизни? И какой след оставит в ней?» — размышляет мать.

И я понимаю, какой глубокий смысл вкладывает Валентина Ивановна в простые слова: сделал своими руками.

«ХОЧУ ПРАВДЫ»

Часто за многочисленными домашними хлопотами вы не прислушиваетесь к тому, что звучит по радио. Но если диктор перед исполнением какого-нибудь произведения назовет фамилию Даргомыжского, оставьте на время свои дела, попросите ребятшек не шуметь и послушайте внимательно. Наверняка простой и выразительный язык музыки этого композитора дойдет до вашего сердца. Возможно, будет исполняться один из популярных романсов Александра Сергеевича Даргомыжского — «Я Вас любил» на слова Пушкина.

*Я Вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...*

Не правда ли, нежность, с такой подкупающей непосредственностью и грустной задумчивостью высказанная Пушкиным, в романсе Даргомыжского выражена так же искренне и прекрасно!

В чем же секрет такой понятности и доходчивости музыки Даргомыжского? Его раскрыл нам сам композитор, признавшись: «Хочу, чтобы звук прямо выражал слово. Хочу правды». И Даргомыжскому, как, может быть, никому другому из русских композиторов, действительно удавалось в своих романсах, операх легко и естественно превращать речь в музыку. А музыка вдруг приобретала внятность живого, разговорного языка. И это слияние такое полное и верное, что, кажется, по-другому написать никак нельзя. Иной раз даже трудно представить, что на это же стихотворение Пушкина может быть иная мелодия, кроме той, автором которой является Даргомыжский.

И вообще надо заметить, что для Александра Сергеевича Даргомыжского его великий тезка был поэтом наиболее близким по духу. Прозрачная, одухотворенная поэзия Пушкина, всегда озаренная мыслью, вдохновляла композитора на протяжении всей его жизни. На стихи Пушкина им написано множество романсов, а из трех опер в основу двух — «Русалки» и «Каменного гостя» — также положен пушкинский текст.

Вот уже больше ста лет «Русалка» не сходит со сцены оперных театров нашей страны. Неувядаемость ее объясняется не только мелодической прелестью, но и глубоким драматизмом и, конечно, той огромной человеческой теплотой, которой согрет в ней каждый звук. В этой опере Даргомыжский, верный себе, нашел такое полное соответствие музыки и слова, музыки и жизненной правды, что, по меткому замечанию К. С. Станиславского, в драме сыграть «Русалку» теперь нет никакой возможности. Актеры просто не могут уйти от интонаций и ритмов оперы. Чтобы проверить это, попробуйте, прослушав арию Князя из «Русалки», потом продекламировать:

*Невольню к этим грустным берегам
Меня влечет неведомая сила...*

С уверенностью можно сказать, что читать будете уже «по Даргомыжскому».

Умение передавать в музыке развитие чувства, чутко схватывать настроение особенно ярко проявилось в романсах Даргомыжского, написанных в конце 50 — начале 60-х годов прошлого века. В ту пору композитор тесно сблизился с представителями демократического искусства. На тексты французского революционного поэта Беранже в переводах В. Курочкина А. С. Даргомыжский написал песни «Старый капрал» и «Червяк». В первой рассказывается о трагической судьбе старого солдата, не раз пролившего кровь за отчизну, а на склоне лет за незначительный проступок приговоренного к смертной казни. Во второй — зло высмеиваются угодничество, подхалимство ничтожного человека, готового распластаться перед сильными мира сего. А в обеих мы находим глубокие раздумья над жизнью и желание видеть ее иной.

На слова П. Вейнберга Даргомыжский пишет своего знаменитого «Титулярного советника». В этой песне, как и в предыдущих, ярко вырисовываются характеры героев, раскрывается их судьба. Это уже даже не песни, а своеобразные музыкальные драмы, несмотря на их краткость.

Неподражаемо исполняет «Титулярного советника» народный артист республики С. В. Образцов. Сохранив сюжет песни и характеристики персонажей, он с помощью кукол метко передает атмосферу этого сатирического произведения.

Но почему же мелкий чиновник, «осмелившийся» объясниться в любви генеральской дочери и потерпевший неудачу, так беспощадно высмеян? Только за то, что утратил человеческое достоинство.

С точки зрения музыкальной эта песня решена Даргомыжским так лаконично и едко, что ни одному из исполнителей не приходится ничего додумывать. Им надо одно: слушаться композитора.

Высокий талант Александра Сергеевича Даргомыжского давно получил признание народа. Отмечая столетие со дня его рождения, просто еще раз хочется напомнить, что он был и остается, по словам Мусоргского, «великим учителем музыкальной правды».

А. ШАПОВАЛОВА

Он был титулярный советник.
Она — генеральская дочь.

Он скромно в любви объяснился,
она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
и пьянствовал целую ночь.

И в винном тумане носилась
перед ним генеральская дочь.

ПРАСКОВЬЯ ПАВЛОВНА, ПРИЕЗЖАЙТЕ К НАМ!

Жена была недовольна. Еще бы, в восемнадцатиметровой комнате и так стояло четыре кровати. Дети частенько болели. Приходилось недосыпать. А тут еще старуха. Муж привез ее поздно вечером, закутанную до бровей в старинную деревенскую шаль, и она сразу начала жаловаться на здоровье, поглядывая на всех испуганно-вопросительными глазами сердечницы.

Иван Максимович хлопотал на кухне, а жена сумрачно вытащила из комода две простыни и сказала в пространство:

— У меня сегодня совещание. Вы уж извините. Сами тут постелитесь.

Совещания никакого не было, а пошла она к подруге. Сидела у нее до полуночи и жаловалась на мужа.

У свекрови, кроме Ивана Максимовича, еще четверо детей. Все рады были ее приветить, у всех ей было хорошо. Так нет, Ивану Максимовичу понадобилось ехать в деревню и со скандалом забирать старуху у брата. Да и хорошо ли будет ей здесь? Привыкла она к деревне.

Домой она пришла, когда все спали. С неудовольствием отметила, что муж лежит на раскладушке, а свекровь покоится на его постели.

Несколько дней она ворчала и поздно возвращалась домой. Однажды она никого не застала в комнате. Прошла по коридору на свет из ванной. Сквозь щелку в двери увидела: муж без пиджака и рубашки, наклонившись над ванной, намыливал голову сидящей тихо и покорно, как послушный ребенок, старухе, и на лице у мужа была такая робость и нежность, что сердце женщины, стоящей под дверью, застучало, оторвалось и упало куда-то вниз.

— Не умеешь, так не берись! — нарочито громко проговорила она и рванула на себя дверь. — Ишь, весь пол забрызгал. Да и голову не промыл, наверно. Это же наука — женскую голову мыть. Думаешь, вам, мужчинам, любое дело под силу? Пусты-ка, сама я.

С того вечера жена Ивана Максимовича стала ухаживать за больной свекровью. 12 лет прожили они вместе, и ни разу не было у старушки причин обидеться или огорчиться.

Обо всем этом узнали мы из письма самого подполковника Ивана Максимовича Ситникова, батумского жителя, откликнувшегося на нашу статью «Пятнадцать рублей ежемесячно». Иван Максимович рассказал, как сумел передать жене свою сыновнюю любовь к матери.

Он писал: «Я не воспитатель, я военный человек, а разве воспитатели Чикленеров и Андреенков не могли найти методов повлиять на семью?»

Конечно, Чикленеров и Андреенков, «герои» статьи о неблагодарных детях, обязаны были воспитать свои семьи. Но еще раньше нужно было перевоспитать самих Чикленерова и Андреенкова, вовремя указать им на чудовищность их поведения, остановить их. Об этом пишет в редакцию член правления Совета ветеранов революции и труда города Ангарска Николай Иванович Самохвалов:

«Хочется сказать в адрес руководителей коллективов, где работают «герои» статьи «Пятнадцать рублей ежемесячно». Их первоочередная обязанность — обсудить эту статью на общих рабочих и колхозных собраниях и вынести соответствующие решения».

Мы согласны с Николаем Ивановичем. И хотели бы развить высказанную им мысль. Нужно смелее вторгаться в мир таких, как Андреенков. Чаще напоминать: «Осторожно, друг, не по той ты пошел дороге».

Бывает ведь, что человек хорош на работе, в коллективе, с товарищами тактичен и вежлив, а дома распоясывается, «отдыхает от культуры и воспитанности». Разве трудно напомнить такому: чем дороже тебе люди, чем ближе, тем бережнее нужно с ними обращаться. Иначе, смотри, потеряешь их.

Николай Иванович Самохвалов употребляет в своем письме очень точное выражение:

«Для подобных моральных уроков нет ничего дороже на свете, кроме мецанского благополучия и кажущегося счастья».

«Кажущееся счастье»... Отрекшиеся от матерей дети не понимают, как мало стоит их благополучие, основанное на предательстве. Жизнь никогда не прощает измены. Непременно наступает день, когда человек вдруг с предельной ясностью видит: есть у него дом — полная чаша, и покой, а самого ценного — любви, признательности, человеческой близости и теплоты — нет. Все это растеряно на бегу, в погоне за житейскими благами, за удобствами и свободой от моральных обязательств.

И еще один вопрос волнует наших читателей. Вот письмо из поселка Копина, Московской области. Пишет его пожилая женщина, Е. П. Зипина.

«...Что же это за люди, которые не умеют любить мать? ...И как эти черствые и бездушные люди воспитывают своих детей, которым жить при коммунизме?»

С ней перекидывается и доярка колхоза имени Фрунзе, Ярославской области, Лида Кротова.

«Мне сделалось стыдно и страшно за сыновей и дочерей Прасковьи Павловны. Неужели они, взрослые люди, которые имеют детей, не могут понять, что такая же участь может постигнуть и их?» — пишет Лида.

А дальше высказывает она мысль, которая сквозит во всех письмах читателей, особенно молодых:

«Наши матери воспитали нас в суровые годы, отказывали себе во всем, чтобы дать нам образование, хоть сами были неграмотны. Мы должны отплатить им всем, чем можем. Не пятнадцать рублей ежемесячно — большим, тем, что не измеришь, не купишь».

И таких писем десятки. В каждом — горячее, искреннее возмущение поступками неблагодарных детей. В каждом — неподдельное участие в судьбе поруганных матерей. Но одно письмо, которое пришло из Армянской ССР, тронуло нас особенно. Его мы приводим полностью.

«Дорогая редакция, муж мой, свекровь и я прочитали в Вашем журнале статью «Пятнадцать рублей ежемесячно». Нас обеспокоила судьба Прасковьи Павловны Игнатченко, и мы решили пригласить ее к себе на постоянное жительство. Просим вас сообщить о нашем решении Прасковье Павловне».

Самой мне слово «мама» в детстве произносить не пришлось. Я ничего не знаю о своей матери, она ушла от отца, когда мне было всего месяца три».

Сейчас я уже сама мать троих детей. И, наверное, до конца дней не пойму поступка своей матери. Но я также никогда не смогу понять и другое. Как могут дети отказаться от матери, которая их вырастила, воспитала, отдала им свою жизнь?»

Прочитав статью, я о многом задумалась. О своей матери. Не знаю, как отнеслась бы я к ней, если бы мы встретились. Думала и о своем отце. Ведь отцовской ласки мне досталось в жизни не намного больше, чем материнской. Перед войной отец женился. Когда отец ушел воевать, маеха сдала меня в детдом. Кончилась война, отец вернулся. С маехой он разошелся, говорил, не может простить ей, что она в трудное время постаралась от меня избавиться. Но сам на отцовские чувства был скуп. Помогал лишь от случая к случаю, а на письма мои не отвечал. Впрочем, на мои письма он не отвечает и сейчас. А я все-таки пишу ему. Пишу, что Лева перешел уже во второй класс, а маленькая Сусанна «стала на ноги» — пошла. Что Карина любит с ней нянчиться и петь ей свои песенки...

Думала я, как нам с мужем воспитать своих детей и какими быть самим, чтобы дети никогда не утратили любви и уважения к нам, не утратили чувства долга по отношению к родителям».

Весь вечер мы проговорили о статье. Об отношении взрослых детей к родителям. И снова возвращались к судьбе Прасковьи Павловны. Есть ли в этот вечер крыша над ее головой? — гадали мы и решили пригласить Прасковью Павловну к себе. Сейчас нас шестеро, будет семеро. Разница небольшая. У ребят наших прибавится еще одна бабушка, а мне Прасковья Павловна будет за мать».

Дорогая редакция! Передайте Прасковье Павловне наше приглашение. Добираться до нас просто. Через станцию Алаверды проходят все поезда, идущие в Ереван. Мы ее будем встречать».

Княрик НАЗАРЕТЯН.

Вот так дружеские руки протянулись на помощь человеку, попавшему в беду.

Не укор ли это тем, кто забыл о своем сыновьем долге?

Н. ГРИГОРЬЕВА

ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ

Бывает такая мелодия: отзвучит последний аккорд, и думаешь, что навсегда забудешь ее. Но проходит время, и ловишь себя на том, что все чаще и чаще тихонечко запеваешь полюбившийся тебе мотив.

Так и ее лицо — казалось бы, что в нем особенного? Скуластое, чуть курносое, «такое ж простое, как все, как сто тысяч других в России». А вот запомнилось оно с первого же кадра. И не мне одной — тысячам зрителей. Запомнилось и полюбилось — за необыкновенную выразительность, умение то легким движением бровей, то прищуром умных, пытливых глаз выразить целую гамму чувств.

...Мы сидим в маленьком кафе, и я долго всматриваюсь в лицо моей собеседницы — киноактрисы Татьяны Самойловой. Счастливая и нелегкая у нее жизнь, нелегкая и счастливая творческая биография.

Двадцать три года было студентке Татьяне Самойловой, когда опытный режиссер Михаил Калатозов пригласил ее сниматься в фильме «Летят журавли», ее, которую в училище называли «актрисой нераскрывшихся возможностей».

Что было до этого? Учеба в школе, а вечерами разговоры о репетициях, съемках, достоинствах и недостатках новой роли. Ведь отец Татьяны — популярный актер театра и кино Евгений Самойлов. Самое яркое впечатление детства — отец, мчащийся на вороном коне по белому экрану (фильм «Щорс»).

Маленькая Таня бесспорно решила посвятить себя театру, понимая, как никто другой в ее возрасте, что на этом пути ее ждут немалые трудности.

Чтобы служить искусству, надо прекрасно знать его. Вот почему Таня Самойлова часами просиживает в читальне, пропадает то в концертном зале, то на художественной выставке; поступает в хореографическое училище, чтобы научиться выражать чувства с помощью жеста и мимики, двигаться по сце-

не легко и непринужденно. Очень требовательная к себе, она никогда не пробует выступать даже в школьной самодеятельности. «Ребята говорили: воображает, а я просто боялась, что получится плохо».

Потом Театральное училище имени Щукина при театре Вахтангова. Долго не определяется ее амплуа, да Таня, пожалуй, и сама не знала, комедийная или драматическая она актриса. Первая, эпизодическая и не слишком удачная роль в кинокартине «Мексиканец». И наконец...

— Слышали, на роль главной героини пробуют Таню Самойлову?

Удивляются актеры, недоволен сценарист: Вероника должна быть очень красивой, броской. Но Михаил Калатозов уже почувствовал в Тане то, что дороже внешней красоты, — яркий темперамент и обаяние, серьезное, почти жертвенное отношение к искусству.

И вот новый фильм вышел на экраны. Помните его начало? Беззаботная тоненькая девочка прыгает на одной ножке по гулкой предрассветной мостовой, бежит вдоль набережной, легко отсчитывает ступеньки высокой лестницы. Недаром Борис, ее жених, прозвал Веронику Белкой. Она всегда в движении, Белка, шаловливая, немножко капризная полудевушка-полурбенок. В счастливом изнеможении, словно пловец в воду, «рыбкой» кидается она на кровать после ночной прогулки по Москве. И засыпает таким счастливым и крепким сном, что не слышит тревожного голоса диктора: «Говорят все радиостанции Советского Союза».

Война. Уходит на фронт добровольцем Борис (трудно сдерживать слезы, когда смотришь раздирающую душу сцену проводов добровольцев); погибают во время бомбежки ее родители. Сколько боли в глазах Вероники, как бессильно упали вдоль тела ее худенькие руки!

Дни во время войны тянутся то слишком быстро, то очень медленно, особенно, если ждешь письма. А писем от Бориса все нет и нет, а бомбежки с каждым разом все ожесточеннее. Вероника по-детски беспомощна и особенно одинока в такие минуты. В такие минуты она и уступает настойчивым домогательствам холодного и эгоистичного Марка, становится его женой.

Сделала ложный шаг, и словно подменили Веронику, будто погас в душе ее огонек.

Человек и война! По-разному разрешают эту тему кинематографисты. Внутреннюю опустошенность и гибель надежд несет война героям многих западных фильмов. Несмотря на кажущуюся хрупкость, не такова Вероника: она гибнет, но не падает, совершив ошибку, казнит себя за нее и вместе с тем становится мягче, добрее к людям.

Вот Вероника в эвакуации; повзрослевшая, какая-то поникшая. Она стирает белье, а рядом на табуретке примостился зашедший в дом солдат, наигрывает что-то немудрящее на губной гармошке, задумывается в нерешительности: «Вам-то мне легко сказать, вы человек посторонний — сына-то у них убили». Ни одним словом не выдает свою боль Вероника. Она просто срывается с места и кружит по комнате, как подстреленная птица. А потом снова к солдату: ведь он не видел, что Борис умер... Значит? Значит, все-таки, может быть, он жив! И лицо Вероники, полное боли, постепенно светлеет и светлеет. Мастерски провела актриса эту сложную сцену, убедительно показав, что в Веронике никогда не погаснет надежда.

Такой — порывистой, самобытно-женственной — запомнили и полюбили Веронику-Таню зрители всего мира. Фильм «Летят журавли» был удостоен главной премии на XI Международном кинофестивале в Каннах, а Татьяна Самойлова получила премию «Апельсиновое дерево», присуждаемую самой скромной и очаровательной актрисе фестиваля.

Теперь Самойловой предлагают сниматься в кино режиссеры из самых различных стран. Они знают, что стоит только на афише появиться имени «русской Тани», как сбор картины будет обеспечен. Но Татьяна отказывалась от самых заманчивых предложений. А пока...

В программе спектакля «Дальняя дорога» в Театре Маяковского одна и та же фамилия упоминалась дважды: в пьесе Арбузова играли отец и дочь Самойловы. Мало кто знал, каким трудом далась Татьяне небольшая роль Лили Брегман.

Киносъемки требуют от актера умения терпеливо ждать, чтобы в любой момент включиться в действие, играя порой конец, а потом середину или начало роли. Но у киноактера зато есть время «настроиться» и, если эпизод почему-либо не получается, отложить или переиграть его. В театре же нужно «выложиться» сразу, провести сцену, что называется, на одном дыхании.

Бесконечные репетиции, прогоны, просмотры. Боязнь непо-

средственной реакции зрителя, находящегося с тобой рядом, страх, что не донесешь до последнего ряда свою реплику. Татьяне кажется, что у нее слишком тихий для театра голос, и по вечерам она долго остается в зрительном зале — то приближается, то удаляется от авансцены, чтобы еще и еще раз проверить, как звучит ее монолог.

Татьяна поправляет темную прядь, упавшую на лоб, и я замечаю на ее руке шрам.

— Пустяк, немного обожгла в «Неотправленном письме».

Да, съемки этого фильма были нелегкими! Семь месяцев прожила в сибирской тайге киноэкспедиция. Фильм о геологах, нашедших месторождение алмазов, но погибших, не дойдя до Большой земли, решили снимать не в павильоне, а на натуре.

Вместе с мужчинами через бурные таежные реки, сквозь болота и топи подбирается девушка в черном свитере и высоких резиновых сапогах. Это геолог Таня. Она старше и собранней Вероники, сдержанней в проявлении любви, просыпающейся к одному из товарищей по экспедиции. Самойлова выразительно рисует характер своей тезки, хорошо понимающей, что такое цель и долг.

Некоторые эпизоды фильма снимались в жесточайшие морозы. После каждого дубля актрису оттирали спиртом, смазывали лицо жиром и снова принимались за работу. Во время съемок лесного пожара на Самойловой загорелась куртка, но она стояла молча и терпеливо; переснимать эти кадры было бы сложно. Фильм «Неотправленное письмо» учил мужеству и выдержке не только зрителей, но и актеров.

...Набережная Дуная в неоновых огнях. Татьяна Самойлова долго стоит возле монумента в честь Советской Армии на горе Геллерт, а потом отправляется бродить по вечернему Будапешту, обдумывая новую роль. Теперь трудно представить, что не так уж и давно оживленная и нарядная столица Венгрии лежала в развалинах, как и Секешфехервар, небольшой городок неподалеку от Будапешта, — Альба Регия, как называли его в старину. В 1944 году, чувствуя приближение конца, здесь свирепствовали гитлеровцы. И неизвестно было молодчикам из фашистского гарнизона, что рядом с ними,

в доме доктора Кароя Хорнянски, работала рация советской разведчицы Лидии Мартыщенко и позывные «Альба Регия» звучали точно в установленный срок.

Через семнадцать лет было решено создать фильм об этом маленьком, но полном драматизма эпизоде Великой Отечественной войны. Советскую разведчицу сыграла Самойлова.

— Альба. Зовите меня просто Альба! — говорит она доктору.

Нелегко перевоплотиться в девушку, способную в нужный момент взяться за оружие и в то же время женственную и чуткую. Всю свою роль Татьяна Самойлова проводила на венгерском языке, а потом сама дублировала себя на русский.

— Было трудно, но съёмочный коллектив и в первую очередь мой партнер, великолепный актер Миклош Габор, итравший венгерского врача, очень мне помогли. «Альба Регия» встретила теплый прием и у венгерских и у советских любителей кино. А самой высокой наградой нам, артистам, была благодарность реальных героев этой невыдуманной истории — Лидии Мартыщенко и супругов Хорнянски, не так давно награжденных орденами Отечественной войны II степени.

Татьяна Самойлова рассказывает об интересных встречах со зрителями, об участии в советско-французском фильме «Леон Гаррос ищет друга», о своих планах. Сейчас она поглощена репетициями в студенческом спектакле (героиня пяти фильмов снова стала студенткой и в этом году собирается закончить театральное училище); много думает о военных годах. Ведь она собирается играть роль русской женщины на дорогах войны в фильме итальянского режиссера Де Сантиса, а сыграть эту роль нужно особенно убедительно.

Трудно и сейчас говорить о Самойловой как о вполне сложившейся актрисе, — она до сих пор вся в поисках. Но кем бы она ни была завтра — Бесприданницей, Офелией или нашей современницей, — взыскательность и требовательность к себе — порука тому, что новый образ, созданный Татьяной Самойловой, будет значительным и правдивым.

Людмила КАФАНОВА

С НАИБОЛЬШЕЙ ВЫГОДОЙ

Как расходовать корма с наибольшей выгодой, чтобы каждый их грамм шел по прямому назначению, превращаясь в молоко, мясо, шерсть? С этим вопросом наш корреспондент обратился в отдел кормления Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства. Вот что ответил ему кандидат сельскохозяйственных наук П. В. ДЕМЧЕНКО:

— Огромное значение для повышения питательности кормов имеет предварительная их обработка. Возьмем, например, солому.

Если срез ее рассмотреть под микроскопом, то увидишь ряды клеток, содержащих в себе питательные вещества, необходимые для животных. Каждая клетка окружена плотной деревянистой оболочкой — клетчаткой.

Подобно тому, как не съешь яйца, не сняв с него скорлупы, так и содержимое клетки не будет усвоено, пока оно окружено клетчаткой, которая плохо переваривается.

Чтобы животное могло переварить солому, нужно ее так обработать, чтобы из грубой и жесткой она стала мягкой, сочной. Такую обработку надо вести не только для улучшения кормовых качеств соломы, но и для борьбы с плесневыми грибами, которые портят ее, а также с вредными микробами, вызывающими у животных желудочные заболевания, семенами сорняков.

Обработка соломы требует немало труда. Но труд этот окупается сторицей: вдвое повышаются питательные качества соломы.

Есть много способов ее обработки, но самым лучшим заслуженно считается химический.

Солому измельчают, послойно закладывают в траншею, освободившуюся из-под силоса, поливают разведенной в воде негашеной известью, трамбуют, чтобы внутрь не проникнул воздух, сверху закрывают досками.

Негашеная известь недорога, да и требуется ее мало: 30 килограммов на тонну соломы.

Но допустим, что по каким-то причинам хозяйству не под силу химический метод. Тогда можно просто запаривать соломенную сечку или смачивать ее соленой водой (на центнер сухого корма 60—70 литров воды, в которой разведено до килограмма поваренной соли). Кроме того, к ней полезно подмешать концентраты (5 килограммов на центнер сухого корма) или тщательно промытые, мелко изрезанные корнеплоды и картофель.

Нуждается в улучшении и силос, если только повысилась его кислотность. В рационе, содержащий силос, добавляют мелко истолченный мел.

Есть и другие способы экономного использования кормовых ресурсов хозяйства. Известно, что лишь около трети питательных веществ корма расходуется на образование молока, мяса, шерсти, подавляющая же масса — на поддержание жизнедеятельности самого организма.

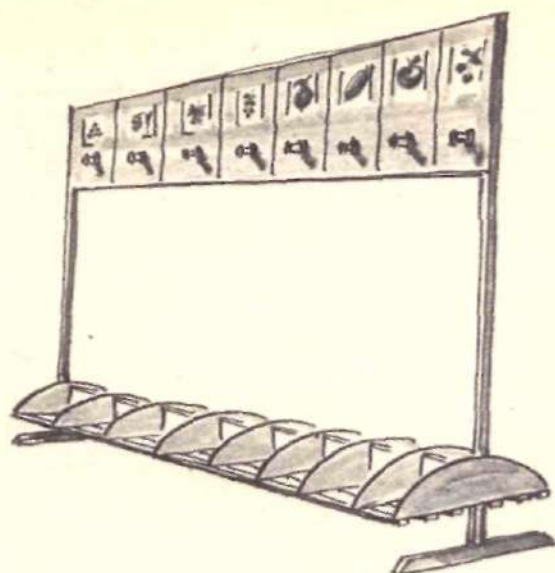
Эти «производственные нужды» животного можно несколько сократить. Если на ферме отовсюду дует или же там сыро, то животное только на согревание своего тела расходует столько энергии, сколько заключено в двадцати процентах съедаемых им кормов. Значит, на ферме не должно быть сквозняков, сырости.

Сберегает корм и подстилка, так как она «держит» тепло: сухой торф, опилки, мох, хвоя.

Подсчитано также, что корова, выпив два ведра холодной воды, не только охлаждает свой организм, что может вызвать простуду, но на согревание своего тела требует дополнительно по меньшей мере полтора-два килограмма силоса или соломы. Сколько же лишнего корма расходует все стадо, и не за один день, а за всю зиму, если его поят из пруда или речки?

Рачительный хозяин отнюдь не ограничится тем, о чем уже говорилось. Он позаботится, чтобы своевременно, пока есть санный путь, подвезти к фермам солому, чтобы в одно и то же время кормить животных, и об антибиотиках, витаминах, минеральной подкормке — словом, чтобы животное ни в чем не нуждалось. Все это, вместе взятое, поможет успешно завершить зимовку скота, сохранить молодняк, повысить продуктивность животноводства.

ДЛЯ КОЛХОЗНЫХ МАЛЫШЕЙ

Еще укрыты снежным покрывалом колхозные поля. Но ласковое утреннее солнце все чаще напоминает: не за горами весна — звонкие талые ручьи, птичий гомон, а там и начало полевых работ.

Их ждут. К ним готовятся. Хлопочут в колхозах и об организации детских площадок. Ведь каждая такая площадка — это десятки высвобожденных женских рук, нужных колхозу.

Прежде всего надо подумать о помещении. Оно должно быть светлым, просторным. Лучше всего, если здание специально выстроено по типовому проекту. Но колхоз может выделить под детскую площадку и любой достаточно вместительный дом. Время позаботиться и о хозяйстве этого дома. Заводя его, надо примерно подсчитать, сколько детей будет ходить на площадку. Если их наберется много, следует организовать несколько возрастных групп, чтобы трех-четырёхлетних малышей было не больше 25 в группе, а детей постарше — не больше тридцати. Каждой возрастной группе нужно выделить отдельную комнату.

Теперь подумайте о мебели.

На группу нужно 4—5 столов и 25—30 стульчиков. Их нетрудно сделать своими силами. Размеры столов и стульчиков должны обязательно соответствовать росту детей. Лучше всего изготовить шестиместные столы следующих размеров:

длина крышки — 100 см,
ширина — 70 см,

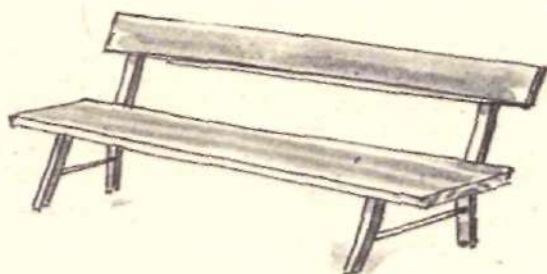
высота столов:
для детей 3—4 лет — 48 см
для детей 5 лет — 52 см
для детей 6—7 лет — 55 см.

Ширина сиденья во всех случаях: впереди — 30 см, у спинки — 25 см.

Размеры нужно соблюдать точно, так как от этого зависит правильная посадка ребенка за столом. Спинку стула следует делать почти прямой, чтобы ребенку было удобно на нее опираться.

Размер стульчиков	Высота сиденья от пола	Глубина сиденья	Высота спинки
Для детей 3—4 лет . . .	26 см	23 см	25 см
» » 5 лет . . .	28 см	26 см	27 см
» » 6 лет . . .	31 см	28 см	30 см

Если нет возможности купить или сделать стульчики, их можно заменить скамеечками на 2—3 человека. Высота и глубина сиденья должны быть

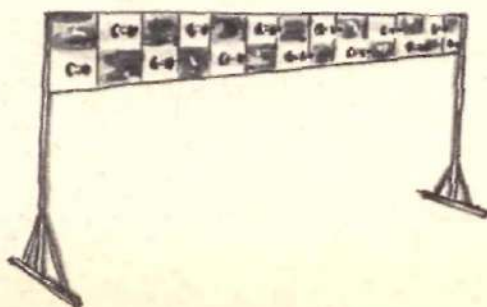

те же, что у стульчиков. И к скамеечкам необходимо сделать спинки. Если дети сидят без опоры, они невольно сгибаются, что приводит к искривлению позвоночника, сутулости.

Для одежды детей необходимо сделать вешалку. Она может быть двусторонней, с крючками по обеим сторонам. Каждый ребенок должен знать ме-

сто для своей курточки или пальто. Крючки можно заменить гвоздями, на которые надеть катушки от ниток.

Внизу вешалки сделайте полочку для галош, разделенную на столько

отделений, сколько крючков. Для каждого ребенка свое отделение.

Такая же вешалка, но без нижней полки, нужна и для полотенец. У каждого ребенка должно быть свое полотенце. Чтобы дети не путали их, над крючками наклейте карточки. Вешалка с полотенцами устанавливается рядом с умывальниками.

Раскладные кровати могут быть одного размера:

длина — 120—140 см,
ширина — 50—60 см,
высота от пола — 35—40 см.

Полотно для обтяжки «раскладушек» возьмите плотное, невтягивающееся. В плохую натянутую кровать ребенок будет лежать прогнувшись, а это тоже может вызвать искривление позвоночника.

Закончив оборудование детской комнаты, позаботьтесь об украшении ее стен. Здесь можно повесить одну-две репродукции с картин, доступных пониманию детей. Репродукции нужно окантовать или поместить в рамку.

Каждому ребенку нужно приготовить простынку, небольшую подушку (30 × 30 см), легкое одеяло, запастись для него посуду: тарелки, чашки, ложки, а для старших — желательны и вилки. Так должна быть оборудована каждая детская площадка. Позаботьтесь об этом заблаговременно.

Е. БАТУРИНА,
заместитель директора
Центрального дошкольного
научно-методического
кабинета
Министерства
просвещения РСФСР

РЕМОНТ ПЕЧЕЙ

На улице лютый мороз перехватывает дыхание. Хорошо с холода зайти в натопленный дом. Исходит жаром печь. Аппетитно дымится на шестке чугуны и кастрюли. Недаром говорит русская поговорка: «Печь нам мать родная». Но, чтобы печь безотказно служила, за нею нужно ухаживать, вовремя ремонтировать.

Часто во время топки плотно закрывают поддувало. От недостатка воздуха дрова или уголь сгорают не полностью. Продукты неполного сгорания и вода выносятся с дымом в дымоход и оседают на его стенках в виде черной жидкой смолы. Это разрушает кладку печи, на ее зеркале и дымоходах появляются черные пятна, а дом наполняется неприятным запахом. От топки к топке на стенках дымоходов наслаивается сажа, которая препятствует хорошему нагреванию печи.

Чтобы этого не случилось, нужно до конца топки держать поддувало приоткрытым, не реже двух-трех раз в отопительный сезон очищать дымоходы от сажи.

Если на печи появляются трещины, тяга в ней снизится. Поэтому трещины необходимо замазывать глиной и почаще белить печь: на белых поверхностях резче выделяются трещины, напоминая о необходимости ремонта.

Белить лучше всего известью. Если известковое тесто развести снятым молоком или загасить им комовую известь, получится очень прочная побелка. Вместо молока можно использовать соленую воду.

Делая побелку из мела, нужно добавить в нее немного столярного клея. Если клея добавит слишком много, краска может растрескаться. Правильно приготовленная побелка после высыхания должна слегка пачкать руки.

Белить печь нужно дважды, чтобы на зеркале не осталось пятен, подтеков.

Печи, обмазанные глиной, довольно быстро трескаются, и высохшая глина отваливается пластами. Хорошо выглядят и более прочны оштукатуренные печи.

Оштукатуривать новую печь можно только после трех месяцев топки, то есть когда она даст полную осадку.

Перед оштукатуриванием поверхность кладки надо очистить от глины, расчистить швы между кирпичами на глубину не менее 1 см.

Потом затянуть печь сеткой из мягкой железной проволоки, с ячейками 10×10 или 25×25 мм. Натянутую на печь сетку прикрепляют гвоздями, вбивая их в швы кладки на расстоянии 10—15 см друг от друга, в шахматном порядке. По этой сетке печь штукатурится.

Штукатурный раствор лучше наносить на горячую, только что протопленную печь, когда швы несколько расширяются. После остывания печи швы сузятся и будут лучше удерживать штукатурку. Кроме того, и воздух в порах кирпича, охлаж-

даясь, будет присасывать раствор.

Глиняные растворы для оштукатуривания печей не всегда подходят, более прочны растворы, в которые добавляется мелкий асбест.

Состав раствора: глины — 1 часть, известкового теста — 1 часть, песка — 2 части, асбеста — 0,1 части.

Хорош раствор и такого состава: глины — 1 часть, песка — 2 части, цемента — 1 часть, асбеста — 0,1 части.

Асбест берут самый мелкий и дешевый.

Приготавливают раствор так: сначала разводят густое глиняное и известковое молоко, процеживают сквозь сито с ячейками не крупнее 5×3 мм, смешивают и всыпают в раствор сухую, предва-

рительно просеянную смесь из песка, асбеста и цемента.

Сначала делают жидкий, сметанообразный раствор и наносят его тонким слоем на горячие стенки печи, смоченные водой. На этот слой дважды кладут более густой раствор, доводя общую толщину штукатурки до 1,5 см. Как только раствор чуть-чуть подсохнет, его следует хорошенько затереть или заглаживать. Если после высыхания образуются трещины, их края выравнивают, смачивают водой и замазывают густым раствором. Только после полного высыхания штукатурки можно приступать к побелке.

А. ШЕПЕЛЕВ,
инженер-строитель

Румынская
кухня

ИЗ КАРТОФЕЛЯ

Суп-пюре из картофеля

Три-четыре крупные картофелины, луковицу, морковь, зелень варить в соленой воде. Готовые овощи протереть сквозь сито и разбавить отваром, в котором они варились.

Перед подачей к столу суп заправить желтком или кусочками сливочного масла, которые лучше положить в каждую тарелку. Такой суп можно есть с поджаренными гренками из белого хлеба.

Картофель, фаршированный мясом

Картофель очистить и в целом виде отварить до полуготовности в соленой воде. С остывших картофелин срезать верхушки и осторожно вынуть середины. Мясной фарш, смешанный с зеленью, яйцом и хорошо посоленный, закладывается в картофелины. После этого каждую картофелину смазывают слегка взбитым яйцом и обваливают в сухарях, накрывают верхушками. Фаршированные картофелины укладывают на противень, политый растительным маслом, и ставят в духовку на 30 минут.

Перед подачей к столу готовый картофель заправляют сметаной или помидорным соусом.

Оладьи из сырого картофеля

Три-четыре крупные картофелины натереть на терке и смешать с двумя яйцами. Добавить ломоть белого хлеба, предварительно размоченный, отжатый и размятый вилкой, посолить по вкусу. Эту смесь, выливая по одной ложке, жарят в разогретом растительном масле на сковороде.

Крокеты из картофеля с окороком

Три-четыре отварные картофелины пропустить через мясорубку и смешать с копченым окороком, нарезанным мелкими кусочками, несколькими столовыми ложками сметаны и таким количеством муки, чтобы получилось негустое тесто. Из этого теста сделать колбаски, которые разрезать на одинаковые кусочки. Из кусочков скатать крокеты, обвалить их в муке, потом в яйце и обжарить в растительном масле.

Таким же образом можно приготовить крокеты с нарубленной мелко селедкой, копченым салом, поджаренным и мелко нарезанным, вареными рублеными мозгами, рубленным отварным мясом.

Крокеты можно подавать к столу с тушеной в масле морковью.

На первой странице обложки: рисунок
А. ЛУРЬЕ.

На четвертой странице обложки: фото
А. ШАПИРО.

Оформление номера В. ГОРТИНСКОГО.

Технический редактор С. СУРОВЦЕВА.

К этому номеру дается бесплатное приложение — «Школа вязания», урон второй, и чертежи выкроек зимнего комплекта для подростка.

Главный редактор — Е. И. ЛЕОНТЬЕВА. Редакционная коллегия: Н. А. ЕМЕЛЬЯНОВА, И. А. КОБЧИКОВА, О. П. КОЛЧИНА, П. Н. ПИНКИСЕВИЧ, Л. Е. ПИШЕНИНА, В. Е. СОКОЛОВА (зам. главного редактора), Е. И. УШАКОВА, М. С. ШАГИНЯН, А. Т. ШАПОВАЛОВА (отв. секретарь).

Адрес редакции: Москва, А-47, Ленинградский проспект, улица «Правды», 24.

№№ телефонов: Д 3-35-35; Д 3-30-48.

А 00017. Подп. к печ. 25/1—1983 г. Тираж 3 200 000 экз. Изд. № 206. Заказ № 53. Формат бум. 60×90/16. 2,75 бум. л.—5,5 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Спокойно, но не медленно

В ПОЛЕ ЗА ОКОЛИЦЕЙ, ТАМ, ГДЕ ТЫ ИДЕШЬ,
И ШУМИТ, И КЛОНИТСЯ У ДОРОГИ РОЖЬ. ЧЕРНЫ ОЧИ ВИДЕЛИ —
ЧЕРЕЗ ПОЛЕ БРОДОМ, ТАМ НАВСТРЕЧУ ИСПАХА ПАРЕНЕК И ДЕТ. ОЙ ТЫ,
РОЖЬ, ХОРОШО ПОЕШЬ! ТЫ О ЧЕМ ПОЕШЬ, ЗОЛОТАЯ
РОЖЬ? СЧАСТЬЕ ПО ВСТРЕЧАЕТСЯ — МИМО НЕ ПРОЙДЕШЬ! ОЙ ТЫ,
РОЖЬ! РОЖЬ!

Музыка А. ДОЛУХАНЫЯНА.

Слова А. ПРИШЕЛЬЦА.

Ой ты, рожь

Фото Н. ЛОПАТНЕВА.

В поле за околицей,
Там, где ты идешь,
И шумит, и клонится
У дороги рожь.
Черны очи видели —
Через поле вброд.
Там навстречу издали
Паренек идет.

Припев:

Ой ты, рожь,
Хорошо поешь!
Ты о чем поешь,
Золотая рожь?
Счастье повстречается —
Мимо не пройдешь.
Ой ты, рожь!

С неба льется музыка,

Ветерок звенит.
На тропинке узенькой
Встретились они.
Обойти друг друга ли?
Колоски помнешь!
И глаза, как уголья,
Что там — не поймешь.

Припев.

Видно, счастье поровну
Поделить смогли,
Оба в одну сторону.
Обнявшись, пошли.
Рожь шумит — качается,
Не видать следа...
Вот ведь как случается
В жизни иногда!

Припев.

Цена номера 10 копеек.

Звезда

70434

